

РОМАН ЛАУРЕАТА ПУЛИЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ



РИЧАРД
ПАУЭРС

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Ричард Пауэрс

Замешательство

Серия «Великие романы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69004459
Замешательство: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147776-9

Аннотация

Астробиолог Тео Бирн ищет жизнь в далеком космосе и после смерти жены в одиночку воспитывает своего девятилетнего сына Робина, необычного умного мальчика, который сочиняет стихи и может часами в мельчайших подробностях рисовать животных и растения. А еще его хотят исключить из школы за то, что он избил собственного друга. С каждым месяцем состояние Робина ухудшается, и тогда отец прибегает к новейшему методу лечения – нейронной обратной связи. Робин начинает контролировать себя, взаимодействуя с моделью, которая основана на предварительно записанном образе эмоций его покойной матери, ранее участвовавшей в эксперименте. А тем временем мир вокруг Бирнов и по всей Земле начинает разрушаться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Ричард Пауэрс

Замешательство

Richard Powers
Bewilderment

Copyright © 2021 by Richard Powers

© Наталия Осояну, перевод, 2022

© Василий Половцев, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Те, кто созерцают красоту земли, находят запасы сил, которых хватит до конца самой жизни.
Рэйчел Карсон

Следственно, надо признать, что подобным же образом небо, Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить.

Лукреций. О природе вещей¹

– Значит, мы можем их никогда не обнаружить?

Осенняя ночь была ясной. Мы установили телескоп на

¹ Перевод Ф. Петровского. – Здесь и далее прим. пер.

террасе домика, расположенного на краю одного из последних темных пятен в восточной части США. Отыскать такую хорошую, концентрированную темноту непросто, и от нее небо сияет. Мы направили трубу в просвет между деревьями над арендованным жилищем. Робин – мой почти девятилетний, грустный и одинокий ребенок, не способный принять этот мир таким, какой он есть, – оторвал взгляд от окуляра.

– Совершенно верно. Мы можем никогда их не обнаружить.

Я всегда старался говорить ему правду, если сам ее знал и если это не таило в себе смертельную опасность. В любом случае он чувствовал мою ложь.

– Но они же повсюду, верно? Твои друзья это доказали.

– Ну, «доказали» – сильно сказано.

– Может, они просто очень далеко. В космосе чересчур много пустоты, ну, ты в курсе.

Он начал размахивать руками, как делал всякий раз, когда его подводили слова. От того, что приближалось время сна, легче не стало. Я положил руку на его непокорную каштановую шевелюру. Цвет волос был такой же, как у нее... как у моей Али.

– А если мы так и не услышим оттуда ни звука? Что тогда?

Робин поднял руку. Алисса говорила: когда он сосредоточен, можно услышать, как внутри что-то жужжит. Мой сын прищурился, устремил взгляд на высокие деревья, которые

вздымались над домиком, словно стены ущелья. Другой рукой потирал ямочку на подбородке – эта привычка свидетельствовала о том, что он напряженно думает. Он тер с такой силой, что мне пришлось остановить его.

– Робби. Эй! Приземляйся.

Он вскинул ладонь: все в порядке. Ему просто хотелось еще минуту поиграть в догонялки с вопросом в ночной тьме, пока была такая возможность.

– *Получается, мы до сих пор не слышали вообще ничегошеньки?*

Я ободряюще кивнул своему ученому, дескать, давай не будем спешить с выводами. С созерцанием звезд на сегодня было покончено. Нам достался поразительно безоблачный вечер в месте, известном своей дождливостью. На горизонте повисла Луна Охотника, пузатая и красная. В кольце древесных крон – таком отчетливом, что хоть руками трогай, – виднелся Млечный Путь, словно неисчислимая россыпь самородков на черном дне ручья. Если замереть, то казалось, что звезды кружатся.

– *Мы не слышали ничего конкретного. В этом вся проблема.*

Я рассмеялся. В хорошие дни он заставлял меня смеяться, иногда несколько раз. Такой дерзкий. Полный радикального скептицизма. Совсем как я. Совсем как она.

– Нет, – согласился я. – Ничего конкретного.

– *А вот если мы услышим хоть что-то... Это будет ого-*

го как важно!

– Да уж, точно.

В другой раз найдется время, чтобы объяснить эту важность. А сейчас пришла пора спать. Он прижался глазом к объективу телескопа, чтобы еще разок взглянуть на сияющее ядро галактики Андромеда.

– Папа, а давай сегодня постим снаружи?

Я забрал его из школы на неделю и привез в лес. Опять начались проблемы с одноклассниками, и нам понадобился тайм-аут. Здесь, в Больших Дымчатых горах, я не мог отказать ему в ночлеге под открытым небом.

Мы вернулись в дом, чтобы подготовиться к ночной экспедиции. На первом этаже была одна большая обшитая панелями комната, пропахшая сосной с легкой примесью бекона. На кухне разило отсыревшими полотенцами и штукатуркой – это были ароматы умеренного дождевого леса. На шкафчиках висели листочки для заметок: «Фильтры для кофе над холодильником», «Используйте другие тарелки, пожалуйста!». На потертом дубовом столе лежала раскрытая зеленая папка с инструкциями: капризы сантехники, распределительный щит, номера экстренных служб. Каждый выключатель в доме был помечен: «Верхний этаж», «Лестница», «Прихожая», «Кухня».

За высокими, от пола до потолка, окнами утром появится бескрайний простор, где горы встают за горами. По бокам от сложенного из плитняка камина расположилась пара мягких

диванов в деревенском стиле, с рисунком на обивке в виде процессии лосей, каноэ и медведей. Мы собрали подушки, как войско собирает дань, выволокли их наружу и разложили на террасе.

– *Закуски возьмем?*

– Плохая идея, дружище. *Ursus americanus*. Их по два на квадратную милю, и они чуют арахис даже в Северной Каролине.

– *Не может быть!* – Робин вскинул палец. – *Однако я кое-что вспомнил!*

Он снова забежал внутрь и вернулся с небольшой книгой в мягкой обложке: «Млекопитающие Дымчатых гор».

– Ты серьезно, Робби? Здесь же тьма – хоть глаз выколи.

Робин продемонстрировал мне аварийный фонарик – из тех, которые заряжают с помощью ручки. Еще утром, когда мы только приехали, штукавина его очаровала, и он потребовал объяснить, как работает магия. Теперь сын создавал электроны по поводу и без.

Мы устроились поудобнее в нашем импровизированном лагере. Робин казался счастливым, в чем и заключалась цель этой необычной поездки. Лежа под одеялом на прогибающихся досках террасы, мы вдвоем произнесли вслух старую светскую молитву его матери и заснули в свете четырехсот миллиардов звезд, составляющих нашу галактику.

Я никогда не верил диагнозам, которые врачи ставили

Робину. Когда недуг получает три разных наименования на протяжении стольких же десятилетий, когда требуется две подкатегории для учета несовместимых симптомов, когда за одно поколение он превращается из несуществующего в наиболее часто диагностируемое детское расстройство в стране, когда два разных врача хотят назначить три разных лекарства – все это говорит о том, что дела идут не очень.

Мой мальчик не всегда хорошо спал. Он мочился в постель несколько раз за сезон, а потом горбился от стыда. Громкие звуки выбивали его из колеи; он так приглушал телевизор, что я почти ничего не слышал. Он ненавидел, когда тряпичная обезьянка в прачечной не сидела на своем месте, торчащем над стиральной машиной. Он потратил карманные деньги до последнего доллара на игру с коллекционными карточками – «Собери их все!» – но хранил добычу нетронутой в особой папке с пластиковыми карманчиками, разложив по возрастанию порядковых номеров.

Он чувствовал, если кто-то пустил ветры на противоположном конце переполненного кинозала. Мог часами изучать «Минералы Невады» или «Королей и королев Англии» – главное, чтобы это были таблицы. Постоянно рисовал, хорошо прорабатывая мелкие детали, которые я упускал из виду. Целый год изображал замысловатые здания и машины. Потом переключился на животных и растения.

Его речи были ошеломляющими и загадочными для всех, кроме меня. Он мог цитировать наизусть целые сцены из

фильмов после первого же просмотра. Бесконечно пересказывал воспоминания, с каждым повторением деталей становясь счастливее. Дочитав понравившуюся книгу, немедленно возвращался к первой странице. Мог устроить катаклизм на ровном месте, вспылить без повода. Но радость завладевала им так же легко.

У нас бывали сложные ночи, и Робин ложился спать со мной: всегда на стороне кровати, самой дальней от окна, за которым таились бесчисленные ужасы. (Его мать тоже неизменно выбирала безопасную сторону.) Он грезил наяву, срывал сроки и отказывался сосредотачиваться на неинтересных вещах. Но никогда не ерзал, не метался и не тараторил без остановки. Если занятие ему нравилось, он часами сидел неподвижно. Скажите, какой дефицит мог все это описать? Какой синдром объяснял его особенности?

Версий было множество, включая недуги, связанные с токсинами, которые миллионами фунтов ежегодно попадали во все виды продовольствия в стране. Второй педиатр стремился подыскать наиболее подходящее для Робина «расстройство из, сами понимаете, какого спектра». Мне хотелось объяснить этому человеку, что все живые существа на этой счастливой планете так или иначе относятся к спектру. В этом его суть. Я чуть было не ляпнул, что жизнь как таковая – спектральное расстройство, бесконечная радуга, где каждый вибрирует на особенной частоте. А потом я возжелал ему врезать. Наверное, для этого тоже есть какой-нибудь

термин.

А вот для навязчивого стремления ставить людям диагнозы в DSM² названия не найти. Странно.

Когда руководство школы на два дня отстранило Робина от занятий и привлекло к делу собственных врачей, я почувствовал себя последним динозавром. Ну о чем мне разговаривать с этими людьми? Синтетическая одежда вызывала у сына ужасную экзему. Одноклассники донимали его за то, что он не принимал участия в их злобных сплетнях. Мать погибла в аварии, когда ему было семь. Любимый пес умер от тоски несколько месяцев спустя. Разве найдется врач, который скажет, что этих причин недостаточно для беспокойного поведения?

Наблюдая, как медицина терпит неудачу в том, что касалось моего ребенка, я сформулировал безумную теорию: хватит исправлять живое. Мой мальчик был карманной вселенной, которую я не надеялся когда-нибудь постичь. Каждый из нас – эксперимент, и мы даже не знаем, какова его цель.

Жена нашла бы с врачами общий язык. *«Никто не идеален, – любила она повторять. – Но, боже мой, до чего прекрасны наши изъяны!»*

Будучи мальчишкой, Робин очень хотел увидеть Ве-

² Диагностическое и статистическое руководство по психическим болезням, разработанное и опубликованное Американской психиатрической ассоциацией.

гас-для-Хиллбилли. Три города, сросшихся в один, и двести мест, где можно заказать блины: разве можно такое не полюбить?

Мы покинули наш арендованный домик и проехали семнадцать миль по извилистой дороге вдоль поразительной реки. На это ушел почти час. Робин смотрел на воду с заднего сиденья, изучая быстрины. Это была его новая любимая игра: бинго дикой природы.

– *Длинноногая птица!* – вскричал мой сын.

– Как называется?

Он пролистал свой определитель. Я начал опасаться, как бы его не укачало в машине.

– *Кажется, цапля...*

Робин снова повернулся к реке, а через полдюжины поворотов опять:

– *Лиса! Лиса! Папа, я видел лису!*

– Серую или рыжую?

– *Серую. Ух, какая!*

– Серая лисица может забраться на дерево, если захочет полакомиться плодами хурмы.

– *Врешь.* – Робин отыскал нужную страницу в «Млекопитающих Дымчатых гор». Книга подтвердила мою правоту. Он застонал и стукнул меня по плечу. – *Слушай, ну откуда ты все это знаешь?*

Я оставался на шаг впереди, поскольку совал нос в его книги до того, как он просыпался.

– Эй, ну я же биолог. Забыл?

– *Астро... би... олух.*

Он ухмыльнулся, проверяя, насколько ужасную черту перешел. Я разинул рот, в равной степени ошеломленный и обрадованный. У Робина были проблемы с гневом, однако он крайне редко опускался до низостей. А мне всегда казалось, что крупница подлости пошла бы ему во благо.

– Ого, мистер. Лишаю тебя каникул до конца восьмого года жизни на Земле.

Ухмыльнувшись шире, он снова начал разглядывать реку. Мы проехали еще милю по извилистой горной дороге, и Робин положил руку мне на плечо.

– *Папа, я просто пошутил.*

Я ответил, не сводя глаз с дороги:

– Я тоже.

В «Музее диковинок Рипли» пришлось отстоять очередь. Это место его нервировало. Ровесники Робина бегали повсюду, творя импровизированный хаос. От их криков сын морщился. Через тридцать минут в «Комнате страха» стал упрашивать меня уйти. С аквариумом вышло лучше, хоть понравившийся ему скат и не пожелал позировать для портрета.

Пообедав картошкой фри с луковыми кольцами, мы поднялись в лифте на «Небесную платформу». Робина чуть не вырвало прямо на стеклянный пол. Стиснув зубы и сжав побелевшие кулаки, он заявил, что зрелище просто фантасти-

ческое. Вернувшись в машину, Робин как будто вздохнул с облегчением от того, что Гатлинбург остался позади.

Он был задумчив по дороге обратно в хижину.

– *Сомневаюсь, что мама назвала бы это место лучшим на всей планете.*

– Нет. Вероятно, оно даже не вошло бы в ее тройку лидеров.

Он рассмеялся. Мне удавалось рассмешить его, выбирая подходящий момент.

В ту ночь было слишком облачно, чтобы любоваться звездами, но мы снова спали на улице, на наших деревенских подушках с их шествиями лосей и медведей. Через две минуты после того, как Робин выключил фонарик, я прошептал:

– Завтра у тебя день рождения.

Но он уже заснул. Я тихо прочитал молитву его матери за нас обоих, чтобы успокоить сына, если он проснется в ужасе от того, что забыл.

Он разбудил меня глубокой ночью.

– *Как ты думаешь, сколько во Вселенной звезд?*

Я не рассердился. Пусть мне помешали спать, я все равно был рад, что Робин продолжает смотреть на звезды.

– Перемножь количество песчинок и деревьев на Земле. Сто октиллионов.

Я заставил его произнести слово «ноль» двадцать девять раз. На пятнадцатом его смех перешел в стон.

– Окажись ты древним астрономом, использующим римские цифры, не смог бы записать это число. Даже за всю свою жизнь.

– *У скольких звезд есть планеты?*

А вот это число постоянно менялось.

– Вероятно, у большинства имеется по крайней мере одна. У многих – несколько. Только в Млечном Пути может быть девять миллиардов планет, похожих на Землю, в обитаемых зонах соответствующих звезд. Добавь десятки других галактик в Местной группе...

– *Но тогда, папа...*

Робин был мальчиком, восприимчивым к утратам. Разумеется, Великое молчание Вселенной причиняло ему боль. Возмутительная безграничность пустоты заставила его задаться тем же вопросом, что пришел в голову Энрико Ферми во время знаменитого обеда в Лос-Аламосе три четверти века назад. Если Вселенная больше и старше, чем кто-либо способен вообразить, у нас явно имеется проблема.

– *Папа... если существует так много мест, где можно жить... почему нигде никого нет?*

Утром я притворился, что забыл, какой сегодня день. Сын, которому только что исполнилось девять, видел меня насквозь. Пока я готовил супер-пупер овсянку с полудюжиной добавок, Робин от возбуждения прыгал возле кухонного стола, как будто скакал на «кузнечике». Мы побили мировой

рекорд по скорости поедания завтрака.

– *Давай откроем подарки.*

– Что откроем? А ты мастак делать грандиозные предположения...

– *Правильное слово – гипотеза.*

Робин знал, что получит на день рождения. Он выпрашивал эту штуку несколько месяцев кряду: цифровой микроскоп, который можно было подключать к моему планшету и рассматривать на экране увеличенную картинку. Сын провел все утро, изучая пену с поверхности пруда, клетки изнутри собственной щеки и нижнюю сторону кленового листа. Он бы с радостью потратил остаток отпуска на разглядывание образцов и наброски в своем альбоме.

Опасаясь вывести его из равновесия, я достал торт, который купил тайком в магазинчике, построенном у подножия горы еще в пятидесятых годах. Робин сперва просиял, потом спохватился.

– *Папа... торт?*

Он направился напрямиком к коробке, которую я не сумел спрятать, и изучил состав, качая головой.

– *Не веганский.*

– Робби, сегодня же твой день рождения. Он бывает... как часто? Всего-то раз в год.

Мой мальчик упрямо не улыбался.

– *Сливочное масло. Молочные продукты. Яйца. Мама бы на такое не пошла.*

– О, я не раз видел собственными глазами, как твоя мама ела торт!

Я мгновенно пожалел о сказанном. Робин сделался похож на робкую белку, которая понятия не имеет, стоит ли ей принять вожаденное угощение или удрать обратно в лес.

– *Когда?*

– Время от времени она допускала исключения из правил.

Робин уставился на торт, морковный и до такой степени безгрешный, что другой ребенок испытал бы к нему отвращение. Мимолетный и крохотный деньрожденный Эдем моего сына оказался наводнен ползучими гадами.

– Ладно, чемпион. Скормим его птицам.

– *Ну... Может, сначала попробуем кусочек?*

И мы попробовали. Каждый раз, когда вкус торта делал Робина счастливым, он ловил себя на этом и снова погружался в раздумья.

– *Какого она была роста?*

Он знал ее рост. Но сегодня ему хотелось услышать цифры.

– Пять футов два дюйма. Ты скоро перерастешь ее. Она любила бегать, помнишь?

Он кивнул, скорее отвечая на собственный мысленный вопрос, чем на мой.

– *Она была мелкой, но вредной.*

Али сама себя так называла, готовясь к очередной битве в Капитолии штата Висконсин. Мне же нравилось называть

ее «маленькой Вселенной». Я позаимствовал это выражение из сонета Неруды, который прочитал ей однажды ночью, на границе осени и зимы. Мне пришлось прибегнуть к словам другого мужчины, чтобы попросить ее выйти за меня замуж.

– *Как ты ее называл?*

Меня всегда пугало, когда он читал мои мысли.

– О, по-разному. Ты же знаешь.

– *Ну, например, как?*

– Али от «Алисса». И Союзницей, потому что у нас с ней был альянс.

– *Мисс Лисси.*

– Такой вариант ей не нравился.

– *Мама. Ты назвал ее мамой!*

– Бывало и такое.

– *Как же это странно...* – Я протянул руку, намереваясь взъерошить его волосы. Он сперва отпрянул, но потом передумал и разрешил. – *Расскажи еще раз, почему меня зовут именно так.*

Мой сын знал, каким образом получил свое имя. Он слышал эту историю чаще, чем того требовал здравый смысл. Но он не спрашивал уже несколько месяцев, и я был не против рассказать еще разок.

– На нашем первом свидании мы с твоей мамой отправились понаблюдать за птицами.

– *Это было еще до Мадисона. До всего.*

– До всего. Твоя мама была великолепа! Она неустанно

подмечала птиц повсюду. Славки, дрозды и мухоловки – все они были для нее старыми друзьями. Ей даже не требовалось их видеть. Она узнавала каждую птицу на слух. А я болтался рядом и не мог отличить одно чудо в коричневых перьях от другого...

– *И ты жалел, что не пригласил ее в кино?*

– Ага. Выходит, ты все-таки слышал об этом раньше.

– *Может быть.*

– В конце концов я заметил удивительное пятнышко – яркое, оранжево-красное. Я решил, что это мое спасение, и закричал: «Ой-ой-ой!»

– *И мама сказала: «Что ты видишь? Что видишь?»*

– Она очень волновалась за меня.

– *Потом ты выругался.*

– Не исключено. Я почувствовал себя таким никчемным. «Ну и дела. Прости. Это всего лишь странствующий дрозд³». Я думал, что больше никогда не увижу эту женщину.

Он ждал кульминации, по какой-то причине желая ее услышать еще раз.

– Но твоя мама посмотрела в свой бинокль так, словно моя находка была самой экзотической формой жизни, кото-

³ Речь идет о птице, которая по-английски называется *American robin*, а по-русски – странствующий дрозд. Следует отметить, что в тексте оригинала употребляется сокращенное название *robin*, совпадающее с именем персонажа, которое обычно переводится как «зарянка» или «малиновка» (*European robin*). Но исходя из описания в конце этой же главы, автор имел в виду именно странствующего дрозда.

рую она когда-либо видела. Не отрывая глаз от окуляра, она сказала: «Дрозд – моя любимая птица».

– *В тот момент ты и влюбился в нее.*

– Именно тогда я понял, что хочу проводить с ней как можно больше времени. Я сказал ей об этом позже, когда лучше ее узнал. Мы начали все время повторять эту фразу. Всякий раз, когда что-то делали вместе – читали газету, чистили зубы, заполняли налоговую декларацию или выносили мусор. Годилась любая чушь, любая рутина. Мы обменивались взглядами, читали мысли друг друга, и один из нас выпаливал: «Дрозд – моя любимая птица!»

Робин встал, сложил наши тарелки, отнес их к раковине и открыл кран.

– Эй! Сегодня же твой день рождения. Моя очередь мыть посуду.

Он снова сел напротив меня, многозначительно глядя прямо в глаза.

– *Могу я спросить тебя кое о чем? Не ври. Честность важна для меня, папа. Был ли дрозд на самом деле ее любимой птицей?*

Я не знал, что значит быть отцом. В основном я просто повторял то, что Али делала раньше. Каждый день совершал ошибки, награждая его шрамами на всю оставшуюся жизнь. Я мог надеяться лишь на то, что все мои промахи каким-то образом компенсировали друг друга.

– На самом деле? Твоя мама любила всякую птицу, кото-

рую замечала.

Ответ взволновал его. Наш любопытный мальчик, такой непохожий на всех остальных. Ребенок, которого мировая история начала тяготить еще до того, как он научился разговаривать. *«Как будто ему шестьдесят, а не шесть»*, – сказала Али за несколько месяцев до смерти.

– И все-таки дрозд стал символической птицей для нас обоих. Он делал нашу жизнь особенной. Надо было лишь упомянуть его вслух, и дела шли на лад. У нас и в мыслях не было назвать тебя иначе.

Он оскалился:

– *А ты хоть разок подумал, каково это: быть Дроздом?*

– В каком смысле?

– *В том самом – в школе, в парке, повсюду! Каждый день одно и то же.*

– Робби, погоди-ка. Дети снова издеваются над тобой?

Он закрыл один глаз и отстранился.

– *То, что все третьеклашки ведут себя как настоящие засранцы, считается издевательством?*

Я протянул к нему руки, умоляя о прощении. Алисса часто говорила, что мир разорвет этого ребенка на части.

– Робин – достойное имя. Как для мужчины, так и для женщины. Оно очень славное.

– *Может, на другой планете. Или тысячу лет назад. В общем, спасибочки.*

Он уставился в окуляр микроскопа, как будто забыл о мо-

ем присутствии. Его записи становились все более прилежными. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что этот мальчик ведет настоящее исследование. В аттестации учительница во втором классе назвала Робина «неторопливым, однако не всегда аккуратным». Она была права насчет медлительности, ошибалась насчет аккуратности. Со временем он достигнет в этом отношении таких высот, какие не в силах вообразить ни один педагог.

Я вышел на террасу, чтобы подышать древесным ароматом. Лес тянулся во всех направлениях. Пять минут спустя – наверное, для него прошла вечность – Робин вышел и скользнул мне под руку.

– Прости, папа. Это хорошее имя. И я не против того, чтобы... ну, ты понимаешь. Сбивать всех с толку.

– Мы все сбиваем друг друга с толку. Так и бродим туда-сюда, озадаченные.

Он вложил мне в руку лист бумаги.

– Взгляни-ка. Что скажешь?

В левой верхней части страницы была нарисована цветными карандашами птичка в профиль. Она смотрела в центр. Он постарался, изображая полоски на горлышке и белые пятна у глаз.

– Ну надо же. Любимая птица твоей матери.

– Как насчет этой?

Вторая птица, тоже в профиль, сидела справа вверху и смотрела назад. Я сразу ее опознал: ворон со сложенными

крыльями, похожий на человека в смокинге, который расхаживает туда-сюда, заложив руки за спину. Моя фамилия происходит от ирландского слова *brán*, то есть «ворон».

– Мило. Робин Бирн все придумал сам?

Он забрал лист обратно и окинул его критическим взглядом, уже планируя небольшие исправления.

– *А нельзя дома размножить этот лист в виде бумаги, на которой пишут письма от руки? Мне очень, очень нужна такая бумага.*

– Что-нибудь придумаем, именинник.

Я взял его с собой на планету Двау, которая размерами напоминала Землю и была такой же теплой. На Двау мы узрели горы, равнины и поверхностные воды, плотную атмосферу с облаками, ветром и дождем. Реки размывали камень, унося его по крупице прямо в беспокойные моря, и русла становились все шире.

Мой сын оживился. Его осенило.

– *Папа, тут как на Земле! Ведь правда?*

– Самую малость.

– *А в чем разница?*

Мы стояли на красноватом скалистом берегу. Ответ не пришлось искать долго. Мы окинули взглядом окружающий ландшафт: нигде ничего не росло.

– *Она мертвая?*

– Не мертвая. примени свой микроскоп.

Робин опустился на колени и зачерпнул предметным стеклом немного пленки с поверхности литоральной ванны. Существа во множестве видов: спирали и палочки, «футбольные мячики» и нити; с порами, ворсинками и жгутиками. Он мог бы потратить целую вечность, просто пытаясь зарисовать их всех.

– *Хочешь сказать, этот мир просто молодой? Все только начинается?*

– Он в три раза старше Земли.

Робин оглядел бесплодный пейзаж.

– *Тогда в чем дело?*

Мой мальчик считал, что каждый мир имеет обеспеченное Создателем право на большущих существ, которые бродят повсюду.

Я объяснил ему, что Двау почти идеальная планета – у нее было подходящее место в подходящей галактике, с нужной металличностью и низким риском гибели из-за радиации или других смертоносных явлений. Орбита Двау пролегла на правильном расстоянии от правильной звезды. Как и на Земле, здесь имелись подвижные литосферные плиты, вулканы и сильное магнитное поле, что обеспечивало стабильный углеродный цикл и устойчивый диапазон температур. Как и Земля, Двау получала воду благодаря кометам.

Святые сосиски... Сколько же у Земли особенностей?

– Больше, чем заслужила любая отдельно взятая планета.

Он щелкнул пальцами, слишком гибкими и маленькими,

чтобы издать звук.

– *Я понял. Все из-за метеоритов!*

Однако Двау, как и Землю, оберегали большие планеты на отдаленных орбитах. Эти гиганты защищали ее от метеоритной бомбардировки.

– *Тогда в чем дело?*

Казалось, Робин вот-вот заплачет.

– В отсутствии крупной луны. Поблизости нет ничего, что могло бы стабилизировать осевое вращение.

Мы поднялись на близкую орбиту, и мир затрепетал. На наших глазах времена года хаотично сменяли друг друга: апрель превращался в декабрь, затем в август и лишь после него – в май.

Наши наблюдения продлились миллионы лет. Мы видели, как микробы натыкались на пределы своих возможностей, словно поплавок, ударяющийся о причал. Каждый раз, когда жизнь пыталась разгуляться как следует, планета выкидывала какой-нибудь фортель, и все опять возвращалось к экстремофилам.

– *Навсегда?*

– Пока солнечная вспышка не сожжет атмосферу.

От выражения на лице Робина я едва не пнул самого себя за то, что сообщил об этом так быстро.

– *Круть*, – проговорил мой мальчик, изображая храбрость. – *Ну, типа того.*

Перед нами до самого горизонта простирался бесплодный

пейзаж планеты Двау. Робин покачал головой, не понимая, считать ли увиденное трагедией или триумфом. Он посмотрел на меня. Когда сын заговорил, он задал тот самый первый вопрос, который жизнь задает повсюду во Вселенной.

– А что еще, папа? И где? Покажи мне другую планету.

На следующий день мы отправились в лес. Робин был сам не свой от предвкушения.

– Мне уже девять, папа. Я сяду спереди!

Закон наконец-то освободил его от обязанности ездить сзади. Он ждал вида с переднего сиденья всю свою жизнь.

– Ух ты, здорово. Здесь намного интереснее.

В ущельях клубился туман. Мы проехали через маленький городок, простирающийся всего лишь на два здания в обе стороны от главной улицы: хозяйственный магазин, бакалея, три площадки для барбекю, прокат надувных камер для тубинга, лавки, торгующие туристическим снаряжением. Затем начались полмиллиона акров леса, который восстанавливался после вырубки.

Когда-то здесь возвышался горный хребет, способный потягаться с Гималаями, но теперь от него остались сглаженные холмы. Водосборные бассейны окрасились в цвета, соответствующие лиственным деревьям – лимон, янтарь, корица. Оксидендрумы и ликвидамбары испятнали склоны гор багрянцем. Мы миновали поворот дороги и въехали в национальный парк. Потрясенный Робин протяжно ахнул.

Мы оставили машину у начала туристической тропы. Я нес каркасный походный рюкзак с палаткой, спальными мешками и плитой. Худенький Робин тащил припасы: хлеб, бобовый суп, маршмеллоу, а заодно и посуду. Он сутулился от тяжести. Наш путь лежал через горы, к отдаленной площадке для кемпинга: до завтра нам ни с кем не придется ее делить. Площадка располагалась на берегу ручья, который некогда был всем, в чем я нуждался на этой планете.

Южные Аппалачи нацепили экстравагантный осенний наряд. Рододендроны кишели в лощинах и возвышенностях, где от густоты зарослей у Робина разыгралась клаустрофобия. Над подлеском из обезумевшего кустарника высился плотный навес из не менее пышных крон гикори, тсуги и лириодендронов.

Робин останавливался каждые сто ярдов, чтобы зарисовать клочок мха или беспокойный муравейник. Я не возражал. Он нашел восточную коробчатую черепаху, которая подала какую-то мягкую массу охристого цвета. Черепаха вызывающе вытянула шею, когда мы наклонились к ней. Удирать она даже не думала. Лишь после того, как Робин присел на корточки рядом, существо попятилось. Робин обвел пальцем рисунок на панцире: непостижимое сообщение, записанное марсианской клинописью.

Мы добрались до идущей через широколиственный лес тропы, проложенной безработными парнишками из Гражданского корпуса охраны окружающей среды в те времена,

когда коллективная общественная деятельность еще не считалась чем-то опасным. Я растер на ладони звездообразный лист ликвидамбара – наполовину нефритовый, как в августе, наполовину кирпичный, как положено октябрю, – и дал Робину понюхать. Он удивленно вскрикнул. Поцарапанная скорлупа ореха гикори потрясла его еще сильнее. Я позволил ему пожевать кончик бордового листа оксидендрума, чтобы понять, откуда взялось второе название – «кислое дерево».

Пахло перегноем. На протяжении мили тропа поднималась, как крутая лестница. Мы шли под сенью линияющих лиственных деревьев в сопровождении призрачных теней. Когда обогнули скопище замшелых валунов, мир изменился: вместо влажного широколиственного леса вокруг теперь росли сосны и дубы, а воздух сделался суше. Это был семенной год. Желуди лежали на тропе грудками и на каждом шагу выскакивали из-под ног.

В чашеобразной низине возле тропы из лесной подстилки поднимался самый сложный гриб, какие мне случалось увидеть. Его шляпка кремового цвета была размером крупнее, чем две мои ладони. Она выглядела как круг из присборенной кружевной ленты – этакий замысловатый гофрированный воротник елизаветинской эпохи.

– Ух ты! Что это?!

Я понятия не имел.

Дальше по тропе он чуть не наступил на черную с желтым многоножку. Существо свернулось клубком у меня в руке. Я

помахал над ним ладонью, предлагая Робину втянуть носом воздух.

– *Святые сосиски!*

– Чем пахнет?

– *Мамой!*

Я рассмеялся.

– Ну, да. Экстракт миндаля. Которым мама иногда пахла, когда занималась выпечкой.

Он поднес мою ладонь к своему носу, как будто совершая вояж в прошлое.

– *С ума сойти.*

– Да уж, точно.

Робину хотелось большего, но я положил многоножку обратно в заросли осоки, и мы продолжили путь. Я не сказал сыну, что подлинным источником восхитительного аромата был цианид, токсичный в больших дозах. Мне следовало это сделать. Честность была для него очень важна.

Тропа вела вниз еще милую, а потом мы вышли на поляну у ручья с каменистым руслом. Скопления белопенных порогов уступили место более глубоким и ровным заводям. Оба берега заросли горным лавром и платанами с облезлыми стволами. Там было красивее, чем в моих воспоминаниях.

Наша палатка представляла собой инженерное чудо: легче литровой бутылки с водой и ненамного больше рулона бумажных полотенец. Робин установил ее самостоятельно. Он

собрал тонкие каркасные дуги, согнул их и вставил в отверстия по углам палатки, потом прицепил ткань к жесткому экзоскелету, и вуаля: можно ночевать.

– *Нам нужен тент?*

– Зависит от того, сколько в тебе оптимизма.

Робин был настроен весьма оптимистично, как и я сам. Вокруг нас произрастали шесть типов лесов. Семнадцать сотен разновидностей цветковых растений. Больше видов деревьев, чем во всей Европе. Боже мой, да одних саламандр было тридцать видов! Третья планета от Солнца, эта маленькая голубая точка, таила в себе множество чудес, которые мог узреть любой, всего лишь уйдя подальше от доминирующего вида на достаточно долгий срок, чтобы у него прояснилось в голове.

Над нами на ветку горной веймутовой сосны сел ворон размером с крылатую обезьяну из страны Оз.

– Почетный гость на открытии лагеря Бирнов!

Мы заплодировали, и птица улетела. Потом было решено поплавать, потому что подъем с рюкзаками в день, когда температурный рекорд был побит на пять градусов Фаренгейта, дался нам нелегко.

Над порогами в узкой части русла пролегал пешеходный мост, вырезанный из толстого лириодендрона. Скалы по обе стороны испещряли абстрактные картины из лишайника, мха и водорослей, напоминающие «живопись действия». Ручей был прозрачным до самого каменистого дна. Мы

неспешно прогулялись вверх по течению, разыскали плоский валун. Я собрался с духом и потихоньку опустился в поток. Сын наблюдал и, явно сомневаясь, решил сперва посмотреть, что произойдет.

Вода ударила меня в грудь, толкнула к груде камней. С берега дно выглядело ровным, а на самом деле представляло собой миниатюрную затопленную версию горного хребта. Я погрузился в водоворот. Нога скользнула по камню, который быстротечная река за минувшие столетия отполировала до блеска. Потом я вспомнил, как надо себя вести. Сел и перестал сопротивляться холоду.

От первого ледяного прикосновения реки Робин вскрикнул. Но боль продлилась всего лишь полминуты, после чего крики превратились в смех.

– Опустись в воду, – посоветовал я. – Ползи. Разбуди свою внутреннюю амфибию.

Робби шлепнулся в неистовую быстрину.

Я раньше не позволял ему делать что-то настолько опасное. Он боролся с течением, стоя на четвереньках. Как только сын уловил нужный ритм движений, мы направились к местечку посреди речного русла. Там устроились в тесной каменной чаше, схватившись за край громокипящего джакузи. Этаким серфинг шиворот-навыворот: полулежа, удерживая равновесие за счет постоянного контроля над сотней мышц. Пленка воды на камнях; рябь на ее поверхности, отчетливая в лучах солнца; рев потока над пенящейся быстри-

ной, в которой мы лежали, – потока, который одновременно тек и странным образом стоял на месте, – все это заворожило Робина.

Теперь ручей казался почти теплым, согретый силой воды и нашим собственным адреналином. Струи извивались, как нечто дикое. Ниже по течению быстрины исчезали под оранжевым пологом деревьев, что тянулись друг к другу с противоположных берегов. Будущее текло из-за наших спин прямоком в прошлое, пестрое от пятен солнечного света.

Робин посмотрел на свои погруженные в воду руки и ноги. Он боролся с водой, которая неустанно двигалась и все искажала.

– Похоже на планету, где гравитация постоянно меняется.

Подплыли покрытые черными полосками рыбки длиной с мой мизинец и стали целовать наши конечности. Спустя минуту я понял: они питаются чешуйками шелушащейся кожи. Зрелище завоевало все внимание Робина без остатка. Он превратился в главный экспонат собственного аквариума.

Мы пустились вверх по течению на четвереньках, ощупывая дно руками в поисках опоры. Робин перемещался боком от одного каскада к другому, изображая ракообразное. Я забрался в новую тесную ванну из камней, вдохнул насыщенный влагой воздух, полный отрицательно заряженных ионов, порожденных столкновением двух стихий. Переменчивые ощущения приводили меня в восторг: беспокойный

воздух, кусачее течение, падающая, необузданная вода; наш последний совместный заплыв в конце года. Ощутив себя еще одной волной, стремящейся по каменистому руслу, я на миг приподнялся и снова рухнул.

Через сотню ярдов от меня Алисса прыгнула в реку ногами вперед, одетая в гидрокостюм, который облегал ее, как вторая кожа. Я обосновался ниже по течению, чтобы ее поймать, и все равно она верещала, оказавшись во власти потока. Моя маленькая Вселенная приближалась ко мне, подпрыгивая на волнах, делаясь все больше с каждой секундой, но стоило напрячь мышцы и приготовиться ее схватить, как она прошла сквозь меня.

Робби разжал руки, и быстрины потащили его вниз по течению. Я потянулся к сыну, он схватился за меня. Вцепился мертвой хваткой, посмотрел мне в глаза.

– *Эй. Чтостряслось?*

Я выдержал его пристальный взгляд.

– Это ты трясешься. А со мной все в порядке. Ну, почти.

– *Папа!* – Он взмахнул свободной рукой, указывая на все, что нас окружало. – *Почему тебе грустно? Только посмотри, где мы! Разве в мире есть второе такое место?*

Нет. Второго такого не существует.

Он сел прямо в каскад, продолжая держаться за меня. Раздумья заняли не больше полминуты.

– *Погоди-ка. Ты был здесь с мамой? Вы тут провели медовый месяц?*

Да, это была его суперсила. Я удивленно покачал головой.
– Как ты догадался, Шерлок?

Он нахмурился и поднялся из воды. Пошатываясь, окинул реку новым взглядом.

– *Это все объясняет.*

Вернувшись в наш лагерь, я почувствовал, как во мне пробуждается интерес к событиям за пределами Больших Дымчатых гор. По всему миру происходили чрезвычайно важные вещи, о которых я ничего не знал. Известия от коллег накапливались в моем виртуальном почтовом ящике. Астробиологи с пяти континентов устроили свару из-за недавних публикаций. Ледники откололись от Антарктиды. Главы государств продолжали испытывать на прочность доверие общества. Повсеместно вспыхивали маленькие войны.

Я как мог сторонился информационных потоков, пока мы с Робинсом собирали сосновые ветки для костра. Мы повесили наши рюкзаки на проволоке, натянутой между двумя платанами, где даже откормленные медведи не могли до них добраться. Когда пламя разгорелось, нам осталось лишь приготовить бобы и поджарить маршмеллоу.

Робин уставился в огонь и пробубнил монотонным голосом, словно робот, что могло бы встревожить его педиатра:

– *Как тут хорошо.* – Минуту спустя: – *Чувствую, что мое место здесь.*

Мы наблюдали за искрами, бездельничали, и у нас непло-

хо получалось. За горным массивом на западе виднелся последний пурпурный краешек заката. Покрытые лесом склоны весь день вдыхали, а теперь начали снова выдыхать. Вокруг костра замелькали тени. Робин вертел головой при каждом звуке. В его широко распахнутых глазах отражалось нечто среднее между благоговением и страхом.

– *Слишком темно, чтобы рисовать,* – прошептал он.

– Да, – сказал я, хотя мой сын, вероятно, справился бы и в темноте.

– *Когда-то Гатлинбург выглядел вот так?*

Этот вопрос поразил меня.

– Там были деревья повыше. Намного старше. Этим, в основном, меньше ста лет.

– *За сто лет лес может многого добиться.*

– Это точно.

Он прищурился, мысленно отправляя всевозможные места – Гатлинбург, Пиджен-Фордж, Чикаго, Мадисон – в те времена, когда там царствовала дикая природа. Я делал то же самое в худшие ночи после смерти Алиссы. Но когда увидел, как эти фантазии овладели моим ребенком – тем, ради кого я продолжал жить, – они показались мне нездоровыми. Любой порядочный родитель на моем месте не позволил бы ему думать о таком.

Мне не пришлось отвлекать Робина. Хотя он вновь заговорил тихим, автоматическим голосом, в его глазах, устремленных на пламя, что-то вспыхнуло.

– *Мама читала Честеру стихи по вечерам?*

Поди знай, как ему удавалось перескакивать с одной мысли на другую. Я давным-давно забросил попытки за ним угнаться.

– Да, было дело.

Любимый ритуал Алиссы задолго до моего появления в ее жизни. После двух бокалов красного вина она устраивала сеанс декламации любимых строк для взятого из приюта самого простодушного из псов, помеси бигля и бордер-колли.

– *Стихи. Честеру.*

– Я тоже слушал.

– *Знаю*, – сказал он. Моя роль явно была незначительной.

Угли плюнули искрами, затем снова превратились в красновато-серые слитки. На мгновение я испугался, что Робин попросит меня прочесть наизусть ее любимое стихотворение. Но он сказал другое.

– *Мы должны взять нового Честера.*

Смерть пса чуть не погубила Робби. Вся скорбь по Алиссе, которую он подавлял, чтобы защитить меня, вырвалась из него, когда старый измученный зверь сдался. Приступы ярости следовали один за другим, и я позволил врачам некоторое время пичкать его лекарствами. Все, о чем он мог думать – это завести еще одну собаку. Долгое время я сопротивлялся. Почему-то эта идея меня травмировала.

– Даже не знаю, Робби. – Я ткнул палкой в золу. – Сомневаюсь, что мы найдем второго такого, как Честер.

– *Хороших собак много, папа. Они повсюду.*

– Это большая ответственность. Кормить, выгуливать, убирать. Читать стихи каждый вечер. Знаешь, большинство собак не очень-то жалуют поэзию.

– *Я стал очень ответственным, папа. Таким ответственным, как никогда раньше.*

– Давай подумаем об этом завтра, хорошо?

Чтобы продемонстрировать свою ответственность, он залил огонь несколькими галлонами воды. Мы заползли в двухместную палатку и легли лицом вверх, бок о бок, без тента – нас отделяла от Вселенной лишь тонкая сетка. Верхушки деревьев колыхались в свете Луны Охотника. Робби с задумчивым видом наблюдал, как они движутся.

– Представь себе, если бы мы могли прикрепить над ними огромную доску для спиритических сеансов... Они бы посылали нам сообщения, а мы их читали!

В лесу вспорхнула птица – еще одно загадочное сообщение, которое никто не в силах расшифровать. *Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла!* Я хотел было сказать, как эта птица называется, но не стоило утруждаться. Существо все представлялось и представлялось, не умолкая. *Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла!*

Робин схватил меня за руку.

– *Ничего себе, как раскричался!*⁴

⁴ Восточно-американский, или жалобный, козодой (*Antrostomus vociferus*) в ан-

Птица все продолжала надрываться в прохладной тьме. Мы начали считать вместе, вполголоса, но сдались, когда дошли до ста, а крикун так и не выдохся. Козодой все еще упорствовал, когда у Робина начали слипаться глаза. Я легонько пихнул его локтем.

– Эй, мистер! Мы забыли. Пусть все разумные существа...

– ...будут избавлены от ненужных страданий. Кстати, откуда это взялось? Я имею в виду, до мамы.

Я объяснил. Это была концепция из буддизма: четыре безмерных настроения.

– Есть четыре хороших качества, которые стоит пестовать в себе. Быть добрым ко всему живому. Оставаться невозмутимым и стойким. Радоваться за любое существо, если оно счастливо. И помнить, что любое страдание – оно также и твое.

– Мама была буддисткой?

Я засмеялся, и он схватил меня за руку через два спальных мешка.

– Твоя мама была сама себе религия. Каждое слово – на вес золота. Когда она говорила, все слушали. Даже я.

Он издал какой-то невнятный звук и обнял себя за плечи. Что-то крупное прошло по склону над нашей палаткой, ломая ветки. Что-то мелкое копошилось в слое опавшей лист-

глийском языке имеет оноματοпоическое (звукоподражательное, основанное на крике самой птицы) название, у которого нет русских аналогов: whip-roog-will, что в буквальном смысле означает «Пороть беднягу Уилла».

вы. Летучие мыши нанесли наше обиталище на свои карты в частотах, превосходящих возможности человеческих ушей. Но моего сына ничего не встревожило. Когда Робин был счастлив, он владел всеми четырьмя безмерными настройми.

– Однажды твоя мама мне сказала, что независимо от того, с каким количеством гадостей ей пришлось столкнуться в течение дня, стоит произнести эти слова перед сном – и следующим утром она будет готова к чему угодно.

– *Есть один вопрос*, – сказал он. – *Расскажи мне еще раз, чем ты занимаешься?*

– Ох, Робби. Уже поздно.

– Я серьезно. Если меня в школе об этом спрашивают, что я должен говорить?

Потому-то его и отстранили от учебы месяц назад. Сын какого-то банкира спросил, чем я занимаюсь. Робин ответил: «Папа ищет жизнь в космосе». Что и сподвигло другого мальчика, директорского отпрыска, заявить следующее: «Почему папаша Дрозда Бирна похож на кусок туалетной бумаги? Потому что кружится возле Урана в поисках клингонов»⁵. Робин сорвался и, похоже, грозился убить обоих. В наши дни такое считается основанием для отстранения и немедленной отправки к психиатру. Мы отделались легким

⁵ Непереводимая игра слов, основанная на созвучии английского Uranus и «анус», а также на буквальном переводе слова «клингон» (вымышленная раса из научно-фантастического сериала «Звездный путь») как «цепляться» (cling on).

испугом.

– Это сложно.

Он взмахнул рукой в сторону леса, который высился над нами.

– *Мы никуда не спешим.*

– Я пишу программы, которые пытаются собрать все факты, которые нам известны о составных частях любой планеты – о ее скалах, вулканах и океанах, обо всей физике и химии, – соединить их в единое целое и определить, какие газы должны присутствовать в ее атмосфере.

– *А для чего это нужно?*

– Дело в том, что атмосфера – часть процессов, связанных с жизнью. Ее состав может подсказать, есть ли таковая на планете.

– *Как на Земле?*

– Да. Мои программы уже позволили предсказать, какой была атмосфера Земли в разные исторические периоды.

– *Нельзя предсказать прошлое, папа.*

– Можно, если не знаешь, каким оно было.

– *И как же определить, какие газы есть в атмосфере планеты, если до нее сотня световых лет, и никто даже не может ее увидеть?*

Я выдохнул, изменяя состав атмосферы в нашей палатке. День выдался долгий; то, что он хотел узнать, подразумевало десять лет учебы и столько же курсовых работ. И все-таки именно детский вопрос был началом всего сущего.

– Ладно. Помнишь, что такое атомы?

– *Ага. Такие малюсенькие штучки.*

– А электроны?

– *Еще меньше.*

– Электроны в атоме могут занимать строго определенные энергетические уровни. Они как будто стоят на ступеньках лестницы. Переходя со ступеньки на ступеньку, электроны поглощают или выделяют энергию на определенных частотах. Эти частоты зависят от того, частью какого атома они являются.

– *Обалдеть.* – Он ухмыльнулся, разглядывая деревья над палаткой.

– Что, вот прямо сразу ты обалдел? погоди, слушай дальше. Когда мы рассматриваем спектр звезды, в нем обнаруживаются маленькие темные линии, которые соответствуют ступенькам упомянутой лестницы. Этот метод называется «спектроскопия» – он позволяет определить, какие атомы есть в составе звезды.

– *Маленькие темные линии. От электронов, которые находятся на расстоянии в миллионы миль. Кто это придумал?*

– Мы, люди, очень умные существа.

Робин ничего не сказал в ответ. Я решил, что он снова заснул – хорошее завершение прекрасного дня. Даже козодой согласился и замолчал. Тишина наполнилась жужжанием насекомых, похожим на звук работающей где-то далеко

ленточной пилы, и рокотом реки.

Должно быть, я тоже отключился, потому что в какой-то момент оказалось, что Честер сидит, положив морду мне на ногу, и скулит, пока Алисса читает нам о душе, в которой возродится былое целомудрие.

– *Папа. Папа! Я понял.*

Я вынырнул из глубин сна.

– Что понял, малыш?

Он разволновался и пропустил мимо ушей ласковое обращение.

– *Почему мы их не слышим.*

Я все еще наполовину спал и не понимал, о чем он говорит.

– *Напомни, как называются пожиратели камней?*

Он все еще пытался решить парадокс Ферми – понять, отчего наша Вселенная, невзирая на время существования и протяженность, кажется пустой. Задача не покидала его разум с нашей первой ночи в хижине, когда мы рассматривали Млечный Путь через телескоп и задавались вопросом «Где все?»

– Литотрофы.

Робин хлопнул себя по лбу.

– *Литотрофы! Точно. Итак, предположим, есть скалистая планета, полная литотрофов, живущих внутри камней. Видишь, в чем проблема?*

– Еще нет.

– Папа, ну же! Может быть, они обитают в жидком метане или вроде того. Они очень медлительные, едва шевелятся. Их дни – наши столетия. А если сообщения занимают столько времени, что мы просто не в силах их опознать как сообщения? Я хочу сказать, вдруг инопланетянам требуется пятьдесят наших лет, чтобы послать два слога...

Где-то далеко снова завелся наш козодой. В моих воспоминаниях вечный страдалец Честер продолжал сражаться с Йейтсом.

– Отличная идея, Робби.

– А еще может быть такое, что существует водный мир. Там обитают суперумные, суперрезвые птицерыбы, которые транслируют сигналы во всех направлениях, пытаются привлечь наше внимание.

– Но их передачи слишком быстрые, чтобы мы могли хоть что-то разобрать.

– Точно! Надо попробовать слушать на разных скоростях.

– Мама любит тебя, Робби. Помнишь об этом?

Это была кодовая фраза, и он подчинился ей. Но все равно никак не мог уgomониться.

– По крайней мере, расскажи участникам SETI, хорошо?

– Обязательно.

Его следующие слова снова разбудили меня спустя минуту, три секунды, полчаса – кто знает, сколько времени прошло?

– Помнишь, как она говорила: «Насколько ты богат, малыш?»

– Помню.

Он поднял руки к залитому лунным светом пейзажу вокруг нас. Верхушки деревьев на ветру. Рев реки поблизости. Электроны, прыгающие по лестнице своих атомов в этой неповторимой атмосфере. Во тьме Робби постарался сохранить торжественное лицо.

– *Вот настолько. Это все мое!*

Когда Робин наконец позволил мне уснуть, ничего не вышло. В лесном лагере, с бобовым супом и альбомом для рисования, нам было хорошо. Но где-то ждала цивилизация, предвещающая, что я окажусь по уши в работе, а Робин вернется в ненавистную школу, к детям, которых он пугал, сам того не желая. В Мадисоне от нашего рая не останется даже пеньков.

Все, что касалось отцовства, приводило меня в ужас задолго до того дня, когда Алисса ворвалась в мой кабинет в Стерлинг-холле и крикнула: «Вот ты и попался, профессор! У нас будет гость!» Я обнял ее под аплодисменты удивленных коллег. Это был последний раз, когда мне с несомненным успехом удалось справиться с отцовскими обязанностями.

Я скорее заговорил бы на суахили, чем оказался достойным родителем. Открывающиеся перспективы вызывали у Алиссы смесь ужаса и восторга. Так или иначе, совокупная

мудрость родственников, друзей, врачей, медсестер и сайтов с советами в Интернете придала нам достаточно смелости, чтобы на все забить и двигаться вперед интуитивно. Десятки тысяч невежественных поколений достаточно хорошо разобрались в тонкостях воспитания потомства, чтобы наш вид не сошел со сцены. Я решил, что мы будем не худшими родителями. Так сложилось, что у нас с Алиссой не было времени соперничать на этом поприще. С того момента, как Робина вытащили из инкубатора, жизнь превратилась в нескончаемую череду учебных тревог.

Как выяснилось – я об этом даже не догадывался, – у детей есть встроенная защита от дурака. Кто бы мог подумать, что четырехлетний карапуз способен опрокинуть на себя гриль, полный горячих углей, и отделаться единственным волдырем в форме розовой устрицы пониже спины?

С другой стороны, разнообразие неприятностей не переставало меня удивлять. Однажды я прочитал шестилетнему Робину «Плюшевого кролика», и лишь в восьмилетнем возрасте он признался, что после этого его много месяцев преследовали ночные кошмары. Он два года боялся мне рассказать: в этом весь Робби. Одному богу известно, в чем мог бы мне признаться одиннадцатилетний сын по поводу того, что я делал сейчас. Но он пережил смерть матери. Я полагал, что мои благие намерения его не погубят.

Той ночью я лежал в палатке и размышлял о том, как Робби провел два дня: тревожась из-за тишины галактики, кото-

рая должна была кишеть цивилизациями. Неужели хоть кто-то мог бы защитить такого ребенка от его собственного воображения, не говоря уже о плотоядных третьеклассниках, готовых кидаться кашками? Будь с нами Алисса, мы бы продержались благодаря ее безграничной способности прощать и решимости, как у бульдозера. Без нее я блуждал в трех соснах.

Я пошевелился в своем спальном мешке, стараясь не разбудить Робина. Хор беспозвоночных то нарастал, то затихал. Две пестрые неясыти переговаривались: «Кто тебя накормит? Кто всех вас накормит?»⁶ Кто еще способен накормить этого мальчика, кроме меня самого? Невозможно себе представить, что Робин однажды закалится и сумеет без посторонней помощи выжить на этой планете, устроенной по принципу финансовой пирамиды. Возможно, я и не хотел, чтобы он менялся. Мне нравилось, что он такой, неземной. Мне нравилось иметь сына настолько простодушного, что это сбивало с толку нахалов-одноклассников. Мне нравилось быть отцом ребенка, чьим любимым животным три года подряд оставался морской слизень. Голожаберных моллюсков всерьез недооценивают.

Да уж, о чем еще волноваться астробиологу по ночам. Я ощутил дыхание деревьев, услышал реку, где мы с Алиссой плавали вместе; во тьме вода продолжала полировать валу-

⁶ Буквальный перевод английской ономатопоической фразы «Who cooks for you? Who cooks for you-all?», воспроизводящей крик пестрой неясыти.

ны. Из спального мешка рядом со мной донесся голос Робина.

– *Хватит!* – умолял он во сне. – *Прошу, хватит! Пожалуйста!*

Одно из решений парадокса Ферми было настолько странным, что я не осмелился рассказать о нем Робину. Ему бы месяцами снились плохие сны. Рядом со мной на надувной походной подушке лежал один квадриллион нейронных связей: окажись каждый синапс звездой, их хватило бы на две с половиной тысячи Млечных Путей. Перегреться нетрудно.

Итак, вот о чем я ему не рассказал. Предположим, жизнь легко зарождается с нуля. Предположим, она возникала в каждой трещине космического тротуара за миллиарды лет до Земли. В конце концов, когда наша планета стабилизировалась, жизнь появилась и здесь, для чего потребовались те же ресурсы, что и повсюду во Вселенной.

Предположим, за минувшие эпохи возникли миллионы цивилизаций, многие из которых просуществовали достаточно долго, чтобы выйти в космос. Такие путешественники находили друг друга, объединялись и делились знаниями, развитие их технологий с каждым новым контактом ускорялось. Они построили огромные сферы для сбора энергии, охватывающие звезды целиком, и управляли роями компьютеров размером с планетные системы. Пользовались мощностью квазаров и гамма-всплесков. Заселили галактики, как мы ко-

гда-то континенты. Научились менять ткань реальности.

И когда этот консорциум овладел всеми законами пространства-времени, достигнув желаемого, его настигла печаль. Абсолютный Интеллект поддался ностальгии: он вспомнил о походах в лес, об умении ориентироваться в дикой природе – обо всем, что осталось в навсегда утраченном прошлом. Чтобы утешиться, он создал игрушки: бесчисленные изолированные планеты, где жизнь могла бы вновь развиться из первозданных условий.

Предположим, в одном из этих террариумов эволюция создала существ, у которых синапсов в две тысячи пятьсот раз больше, чем звезд в галактике. Даже с такими мозгами эти существа лишь через тысячелетия обнаружили бы, что они навсегда заперты в искусственно созданном заповеднике, глядят на виртуальный небосвод, обречены остаться детьми, остаться одинокими.

Каталог решений парадокса Ферми называет эту версию «Гипотезой зоопарка». Зоопарки вызывали у Робина тошноту. Ему было невыносимо смотреть на разумных существ, лишенных свободы.

Собственные родители воспитали меня в лютеранской вере, но я отказался от религии в шестнадцать лет. Всю свою жизнь считал, что, когда человек умирает, вся красота, все озарения и надежды – но также вся боль и ужас, – все, что хранится в квадриллионе синапсов, превращается в пыль. Однако той ночью в горах, в нашей двухместной палатке, я

не мог не обратиться с просьбой к человеку, который знал Робина лучше всех на свете.

– Алисса...

Моя жена на протяжении одиннадцати с половиной лет.

– Али. Скажи мне, что делать. Нам хорошо вместе, в лесу.

Но я боюсь везти его домой.

В три часа ночи хлынул дождь, и я выскочил наружу, чтобы прицепить тент. Воцарившееся безумие сперва повергло Робина в ужас. Но, бегая под ливнем, он начал каркать, как ворона. Он все еще смеялся, когда мы вернулись в палатку – два глупых, промокших до нитки оптимиста.

– Наверное, мне следовало настоять на тенте.

– *Оно того стоило, папа. Я бы снова его убрал!*

– Что вы говорите... Я и не думал, что в тебе живет маленькая амфибия.

Мы сварили овсянку на переносной плите и поздним утром свернули лагерь. Тропа, когда по ней шли в противоположную сторону, выглядела иначе. Мы опять поднялись на холм, потом начали спускаться. Робин удивлялся, сколько всего продолжает расти поздней осенью. Я показал ему гаммелис, цветущий в январе. Рассказал о ледничниках, которые всю зиму катаются по льду и питаются мхом.

Мы вернулись к началу тропы слишком быстро. Когда сквозь деревья промелькнула дорога, я расстроился. Машины, асфальт, табличка с перечнем правил; после ночи в ле-

су от парковки повеяло смертью. Я старательно скрывал от Робина свои чувства. Наверное, он и сам пытался меня обещать.

По пути в свой арендованный коттедж мы попали в пробку. Я остановился позади «Субару Аутбэк» с мощными горными велосипедами на багажнике. Вереница машин растянулась впереди, исчезая из виду: полмили обездвиженных внедорожников с людьми, изголодавшимися по крупицам дикой природы, что еще остались в восточной части страны.

Я покосился на своего пассажира.

– Знаешь, что это такое? Медвежья пробка!

Я уже говорил Робби, что мы можем повстречать барибала, поскольку в этих краях обитала самая многочисленная популяция на континенте.

– Давай вылезай. Прогуляйся и проверь, что там. Только держись поближе к дороге.

Он уставился на меня.

– *Ты серьезно?*

– Конечно! Я тебя не брошу. Остановлюсь и подберу, когда мы поравняемся.

Он не двигался.

– Ну давай же, Робби. Там будет много людей. Медведи не причинят тебе вреда.

Сын чуть не испепелил меня взглядом: он тревожился не из-за четвероногих. Так или иначе, Робин вышел из машины и, спотыкаясь, побрел вдоль стоящих автомобилей. Эта ма-

ленькая победа должна была меня взбодрить.

Ряд машин тихонько полз вперед. Водители начали сигналить. Кто-то пытался развернуться на узкой горной дороге. Автомобили беспорядочно съезжали на обочину, рядом с потоком суетились пассажиры. Люди расспрашивали друг друга: медведь? где? мать и трое малышей! Вон там. Нет, там. Девушка-рейнджер пыталась заставить всех двигаться дальше. Очередь ее игнорировала.

Через несколько минут я добрался до собравшейся на обочине толпы. Одни указывали в сторону леса, другие смотрели в бинокли. Кто-то установил камеру на штатив и навел на цель объектив-гаубицу. Многие отгородились от природы мобильными телефонами. Люди чем-то напоминали скопище зевак у офисного здания, наблюдающих за человеком на карнизе десятого этажа.

Потом я заметил семейство из четырех медведей, трусившее в подлесок. Мать бросила взгляд через плечо на собравшихся людей. Я увидел Робина в толпе – тот смотрел себе под ноги, а не на барибалов. Потом повернулся, увидел меня и побежал к машине. Очередь все еще стояла намертво. Я опустил стекло.

– Вернись туда и посмотри, Робби.

Он обогнул машину, сел на свое место и захлопнул дверь.

– Ты их видел?

– *Видел. Очень круто.*

Ответ прозвучал воинственно. Он смотрел вперед, на

«Аутбэк», за которым мы по-прежнему ехали. Я ощутил, что надвигается какая-то буря.

– Робби. Что произошло? Что не так?

Мой сын отвернулся к окну и крикнул:

– *Ты их сам-то видел?*

Он уставился на свои руки, лежащие на коленях. Мне хватило ума не торопить события. Спектакль окончился, движение наконец-то возобновилось. Через полмили Робби снова заговорил.

– *Должно быть, они нас ненавидят. Что бы ты чувствовал, если бы из тебя сделали гвоздь программы в шоу уродов?*

Прошло еще несколько минут, на протяжении которых он изучал извилистую реку.

– *Цапля.*

Это была просто констатация факта.

Я вытерпел еще две мили.

– Знаешь, а они очень умные. *Ursus americanus*. Некоторые ученые считают их почти такими же умными, как гоминоиды.

– *Умнее.*

– Почему ты так думаешь?

Мы покинули территорию парка и теперь ехали обратно через плотно застроенную рекреационную зону. Робин взмахнул руками, как будто указывая на доказательство своих слов.

– *Они не нагородили вот это все!*

Мы проехали мимо магазинчика, где торговали сливочной помадкой, киоска с гамбургерами, проката надувных камер для тубинга, лавки со всякой дребеденью и автодрома. Возле информационного центра свернули налево, и дорога к нашему домику опять повела в гору.

– Это все от одиночества, Робби.

Он посмотрел на меня так, как будто я отказался от членства в клане разумных существ.

– О чем ты говоришь? Им не было одиноко! Они испытывали отвращение!

– Не кричи, ладно? Я говорю не о медведях.

По крайней мере головоломка заставила его притормозить.

– Люди одиноки, потому что мы просто уроды. Мы украли у них все, папа.

Предзнаменования были повсюду: от напряженных пальцев и трясущихся губ до пурпурной волны, что поднималась по шее. Еще несколько минут, и от умиротворения последних дней не останется и следа. У меня не хватило бы выдержки на двухчасовой приступ мучительной истерики. Многолетний опыт подсказывал, что наилучший выход из ситуации – отвлекающий маневр.

– Робби, послушай. Предположим, что «Антенная решетка Аллена» проведет завтра пресс-конференцию, на которой будет объявлено о неоспоримых доказательствах существования разумных инопланетян.

– Папа...

– Это был бы самый волнующий день в истории Земли. Одно объявление изменило бы все!

Он перестал дергаться, хотя по-прежнему испытывал отвращение. Любопытство все-таки побеждало – с Робинсом так получалось в девяти случаях из десяти.

– Ну?

– Итак... предположим, они провели пресс-конференцию и заявили, что обнаружили в Больших Дымчатых горах инопланетных разведчиков, которые...

– Да ну тебя! – перебил он, вскинув руки.

И все-таки мне удалось перевести стрелку. Я по глазам видел, как Робин осмысливает предложенную идею. Он скривился, одновременно обидевшись и повеселев. Вереница существ с мобильниками, растянувшаяся вдоль обочины, опять превратилась в людей – созданий, относящихся к тому же виду, что и сам Робби. Он уловил суть: мы, homo sapiens, исстрадались по компании. Мы так отчаянно нуждались в контакте с инопланетянами, что малейшего намека на нечто разумное и дикое хватало для создания пробок длиной в несколько миль.

– Никто не хочет быть один, Робби.

Сострадание сошлось в битве с жаждой справедливости... и проиграло.

– Раньше они были повсюду, папа. До того, как мы приперлись. Мы все у них отняли! Мы заслужили свое одиноче-

ство.

В ту ночь мы отправились на Фалашу, планету настолько темную, что обнаружить ее удалось лишь благодаря везению. Эта сирота без солнца блуждала в открытом космосе. Когда-то у нее была своя звезда, но в эпоху бурной юности планету вышвырнуло за пределы родной системы.

– Когда я учился в школе, про такое даже не упоминали, – сказал я сыну. – Теперь мы думаем, что планет-изгоев может быть даже больше, чем звезд.

Мы наблюдали, как Фалаша дрейфует в межзвездной пустоте, в вечной ночи и при температуре на несколько градусов выше абсолютного нуля.

– *Зачем мы пришли сюда, папа? Это самое мертвое место во Вселенной.*

– Ученые считали так же, когда мне было столько лет, сколько сейчас тебе.

Время идет, и мы перестаем верить в то, что считали аксиомой. Первый урок Вселенной таков: нельзя делать умозаключения на основании единственной посылки. Разве что других нет. Значит, их надо отыскать.

Я обратил его внимание на густую парниковую атмосферу и горячее ядро. Продемонстрировал, как приливное трение от крупной луны искривляло и сжимало планету, еще больше ее нагревая. Мы приземлились на поверхности Фалаша.

– *Круть!* – сказал мой взволнованный сын.

– Температура выше точки замерзания воды.

– *Посреди открытого космоса! Но тут нет солнца. Нет растений. Фотосинтеза. Ничегошеньки нет.*

– Жизнь всеядна, – напомнил я ему. – Свет – просто одна из разновидностей пищи.

Мы отправились на дно океанов Фалаши, к срединным хребтам. Направили лучи фонарей в самые глубокие разломы, и Робби ахнул. Повсюду была жизнь: белые крабы и моллюски, фиолетовые трубчатые черви и порхающие, складчатые существа, похожие на ткань. Все питалось теплом и химией, сочащимися из «черных курильщиков».

Робину все было мало. Он наблюдал, как микробы, черви и ракообразные учились новым трюкам, поедали соросидей и распространяли питательные вещества по морскому дну, в окружающих водах. Проходили целые эпохи, века, даже геологические эоны. Океаны Фалаши наполнились новыми формами жизни: всевозможными жуткими тварями, которые плавали, удирали друг от друга и соревновались в хитрости.

– Пожалуй, хватит, – сказал я.

Но он хотел посмотреть еще. Подводные вулканы извергались, потом остывали. Течения менялись. Небольшие потрясения и локальные катастрофы благоприятствовали тем, кто вел себя скрытно. Неподвижные ракушки превратились в свободных пловцов, а пловцы развили дар предвидения. Искатели приключений колонизировали новые места.

Робин был очарован.

– *Что произойдет еще через миллиард лет?*

– Как-нибудь вернемся и посмотрим.

Мы оторвались от поверхности черной, как смоль, планеты. Она съежилась под нами и в мгновение ока снова стала невидимой.

– *Как же мы вообще обнаружили это место?!*

Да уж, странная история. Цивилизация медлительных, слабых, голых и несуразных существ на гораздо более удачливой планете пережила несколько вымираний, продержалась достаточно долго и узнала, что гравитация искривляет свет повсюду во Вселенной. Без всякой уважительной причины и за безумные деньги мы создали прибор, способный с расстояния в десятки световых лет увидеть малейший изгиб звездного света, создаваемый этим маленьким космическим телом.

– *Да ну тебя,* – сказал мой сын. – *Выдумываешь.*

Такие уж мы, земляне. Не уgomонимся, пока всей Вселенной не докажем, что наши выдумки – самая настоящая правда.

Выехали на рассвете. С восходом солнца Робби чувствовал себя лучше всего. Он унаследовал это качество от своей матери, которая могла еще до завтрака разобраться с десятком катастроф некоммерческого характера. В то утро он бы даже к изгнанию отнесся как к приключению.

Когда мы уехали в отпуск, ситуация в стране была нестабильной, из-за нескольких дней почти без связи я начал беспокоиться о том, что нас ждет. Терпел, пока мы не покинули Теннесси, и лишь потом включил новости. Через два заголовка пожалел о своем решении. Ураган Трент, чья скорость ветра достигала около ста миль в час, отправил в море значительную часть Саут-Форка, что на Лонг-Айленде. Флоты США и Китая играли в ядерные кошки-мышки у острова Хайнань. Восемнадцатипалубный круизный лайнер «Краса морей» взорвался у Сент-Джонса, Антигуа; десятки пассажиров погибли, еще сотни получили ранения. Ответственность за случившееся взяли на себя несколько группировок. В Филадельфии распаленные бесконечными войнами в соцсетях ополченцы Истинной Америки напали на митинг ЧУЭ, и три человека погибли.

Я попытался переключиться на другую волну, но Робби мне не позволил.

– Мы должны все знать, папа. Это хорошая гражданская позиция.

Возможно, он был прав. Возможно, хороший отец поступил бы на моем месте так же. Но не исключено, что, позволив ему слушать новости дальше, я совершил колоссальную стратегическую ошибку.

После того, как пожары уничтожили три тысячи домов по всей долине Сан-Фернандо, президент обвинил в случившемся деревья. Его указ предусматривал вырубку двухсот

тысяч акров национального леса. При этом даже не все акры находились в Калифорнии.

– *Охренеть!* – воскликнул мой сын. Я не стал утруждать себя выговором за сквернословие. – *Он что, может так поступить?*

Диктор новостей ответил за меня: во имя национальной безопасности президент мог сделать практически что угодно.

– *Президент – навозный жук.*

– Не говори так, дружище.

– *Но я прав.*

– Робин, послушай меня. Ты не можешь так говорить.

– *Почему?*

– Потому что тебя посадят в тюрьму. Помнишь, мы говорили об этом в прошлом месяце?

Робби откинулся на спинку сиденья, явно усомнившись в своей хорошей гражданской позиции.

– *Ну, он все равно такой. Сам-знаешь-какой. Он все портит.*

– Знаю. Но мы не можем говорить об этом вслух. И вообще. Ты поступаешь очень несправедливо.

Он озадаченно посмотрел на меня и через две секунды расплылся в улыбке до ушей.

– *Точно! Навозные жуки – удивительные существа.*

– А ты в курсе, что они ориентируются по мысленным картам Млечного Пути?

Робби уставился на меня, разинув рот от удивления. Этот факт казался слишком странным для выдумки. Он вытащил свой карманный блокнот и сделал пометку: проверить, когда вернемся домой.

Мы ехали через холмы Кентукки, которые становились все меньше, мимо Музея сотворения мира и «Встречи с ковчегом», пересекали округа, от которых было мало пользы для какой-либо науки. В поездке слушали «Цветы для Элджернона». Я прочитал эту книгу в одиннадцать лет. Она была одной из первых в моей библиотеке научной фантастики на две тысячи томов. Я купил ее в букинистическом магазине – дешевый-pocketбук с изображением жуткого лица, наполовину мышиного, наполовину человеческого. Платить за книгу из своего кармана было все равно что взламывать код взрослой жизни. Открыв «Цветы для Элджернона», я проник на другую Землю. Маленькие, легкие, портативные параллельные Вселенные оказались единственным в этой жизни, что я когда-либо коллекционировал.

Однако на научную стезю меня направил не «Элджернон», а «морские обезьяны» – артемии, разновидность рачков, – которых привезли в удивительном состоянии криптобиоза. К возрасту Робби я уже свел в таблицу свои первые наблюдения о скорости их появления на свет. Но «Элджернон» пробудил во мне зачатки научного воображения и желание экспериментировать с чем-то масштабным – напри-

мер, с собственной жизнью. Я не перечитывал эту историю давным-давно, и двенадцатичасовая поездка казалась идеальным поводом, чтобы вернуться к ней вместе с Робби.

Сюжет его увлек. Он все время заставлял меня делать паузы и что-нибудь спрашивал.

– Он меняется, папа. Слышишь, как он употребляет слова, которые становятся все длиннее?

Чуть позже:

– Это правда? В смысле, такое может однажды случиться вправду?

Я сказал ему, что все может случиться вправду – где-нибудь, когда-нибудь. И, возможно, совершил ошибку.

К тому времени, когда мы добрались до длинной череды животноводческих ферм южной Индианы, Робби увлекся окончательно, а его комментарии свелись к радостным или насмешливым возгласам. Мы проехали несколько миль не прерываясь. Он наклонился вперед и положил руку на приборную панель, забывая даже выглядывать в окно. Новые сигналы возникали в его мозгу с той же быстротой, что и у Чарли Гордона, чей IQ взмыл до небезопасных высот. Робби поморщился, когда сослуживцы отвергли Чарли. Моральная нечистоплотность ученых-экспериментаторов Немюра и Штрауса причинила сыну такую боль, что мне пришлось напомнить ему о необходимости дышать.

Когда Эджернон умер, он заставил меня остановить запись.

– *Это правда?*

Он не мог смириться с таким поворотом.

– *Мышонок умер?..*

На его лице отразилось желание вообще отказаться от этой истории. Но «Элджернон» уже покончил с большей частью невинности, которой Робин все еще обладал. Сбитый с толку разум выбирал из двух вариантов: перейти из света в темноту или из темноты на свет.⁷

– Понимаешь, что это значит? Что будет дальше?

Но Робин не мог предвидеть последствий для Чарли. Они его и не тревожили. Я опять включил воспроизведение. Минуту спустя он заставил меня снова сделать паузу.

– *Но мышонок, папа. Мы-мы-мышонок!* – Он демонстративно занял, как малыш, но это было не совсем притворство.

Мы остановились на ночь в мотеле недалеко от Шампейн-Урбаны, штат Иллинойс. Робин не собирался спать, пока история не закончится. Он лежал на своей кровати, переживая окончательную деградацию Чарли Гордона со стоицизмом Сфинкса. Когда все завершилось, он кивнул и жестом велел выключить свет. Я спросил, что он думает, но Робби просто пожал плечами. Только в темноте у него вырвался вопрос.

– *Мама когда-нибудь читала эту историю?*

⁷ Отсылка к книге VII «Государства» Платона. Следует отметить, что соответствующий фрагмент (в котором говорится о «нарушениях зрения» и замешательстве души, застрявшей между светом и тьмой) является эпиграфом к роману Дэниела Киза «Цветы для Элджернона».

Я растерялся.

– Не знаю. Наверное, да. Скорее всего. Это своего рода классика. Почему ты спросил?

– *Сам-то как думаешь?* – сказал Робин резче, чем, возможно, намеревался. Когда он заговорил снова, в его голосе звучало раскаяние. Мой мальчик то ли вышел на свет, то ли покинул его. Я не понимал, что происходит. – *Ну ты же понимаешь. Мьшонок, папа. Мьшонок...*

Мы добрались до Мадисона чуть позже полудня в тот день, когда я обещал вернуть Робина в школу. Я получил автоматическое сообщение о том, что он отсутствовал без объяснения причин, с просьбой уведомить, знал ли я об этом («Пожалуйста, ответьте ДА или НЕТ»). Надо было привезти его прямо в класс. Но до конца занятий оставалась всего пара часов, и я чувствовал то же, что чувствовал всегда, когда приходилось передавать сына людям, которые его не понимали. Я хотел, чтобы он еще немного побыл со мной.

Я взял его с собой в кампус. Мне было страшно возвращаться туда после долгого отсутствия. Мне выдали письма, и я связался с ассистенткой-аспиранткой Цзиньцин, которая вела занятия в мое отсутствие. Цзиньцин суетилась вокруг Робина, как будто он был ее родным младшим братом из Шэньчжэня. Она повела его посмотреть витрину с метеоритами и фотографиями с «Кассини». Я же добровольно отправился в пасть к Карлу Страйкеру, моему коллеге и соав-

тору по статье о выявлении биосигнатур в атмосфере экзопланет, обнаруженных с помощью телескопа. Я задерживал сдачу своей части текста.

– Массачусетский технологический собирается нас обскакать, – сообщил Страйкер.

А как иначе. Массачусетский технологический институт, Принстон или Европейская ассоциация астробиологии вечно оставляли нас в дураках. Просто заниматься наукой недостаточно. Куда ни кинь взгляд, повсюду соревнования: за профессиональный рост, за долю в убывающем грантовом пуле и за лотерейный билет в Стокгольм. По правде говоря, мы со Страйкером и не рассчитывали сорвать джекпот на Шведском Тотализаторе. Но продолжение финансирования – приятная штука. И я поставил его под угрозу, не сумев уточнить модель данных для статьи.

– Опять все из-за мальчика? – спросил Страйкер.

Я чуть не огрызнулся: «У него есть имя, придурок». Потом сказал, что да, все из-за мальчика, и беззвучно взмолился о небольшой поблажке. Страйкер мало что мог сделать. Пятнадцать лет назад экзопланетная золотая жила сделала грантовые агентства такими же щедрыми к астробиологам, как дворы эпохи Возрождения – к любому искателю приключений с каравеллой. Но теперь земля тряслась под ногами, и приближались финансовые бури.

– Правки нужны к понедельнику, Тео. Я серьезно.

Я пообещал, что справлюсь к понедельнику. Покинул ка-

бинет Страйкера, размышляя о том, как сложилась бы моя карьера в этой молодой научной области, если бы я никогда не женился. Возможно, удачнее. Но ни одна удача в целом мире не могла сравниться с Алиссой и Робинот.

В моей жизни был собственный катархей, еще в детстве, когда я жил в Манси. Кромешный ад. Детали, к счастью, уже забылись. Я повзрослел быстро. Внутри моей матери скрывались примерно шесть разных личностей, и половина могла причинить реальный вред мне и двум моим старшим сестрам. К тому времени, когда отец начал медленное самоубийство при помощи обезболивающих, я успел расстаться с мальчишеским дискантом и обзавестись хобби, требующим значительного напряжения сил: сидел безвылазно в комнате и паниковал.

Когда мне было тринадцать, папа заставил нас с сестрами вымыть уши и занять места на скамье позади него в зале суда. Его должны были приговорить за растрату. Вероятно, уловка сработала: он получил всего восемь месяцев. Однако мы потеряли дом, и отец всю оставшуюся жизнь не зарабатывал больше минимального жалования. Я держался благодаря мозгам в чане, сферам Дайсона, аркологам, чудовищным космическим сражениям, афрофутуризму, ретропалпу и пси-машинам. Я выстроил себе параллельную Вселенную, где было все, от альфа-излучения до Точки Омега, и еще там разворачивались бесконечно разнообразные сценарии, кото-

рые делали нелепым мое истинное обиталище, безыскусный камешек в галактическом захолустье. Пока я верил, что общепризнанная реальность – лишь крошечный атолл в безбрежном океане, ничто не могло меня ранить.

К двенадцатому классу я уже был начинающим алкашом. Два лучших друга и напарника из преисподней прозвали меня Бешеным Псом. Просто удивительно, что я не угодил в тьюрагу до выпускного. Так или иначе, если бы не стипендия компании по производству электронных органов, где одна-две субличности моей матери занимали пост секретарши, я бы ни за что не поступил в колледж. И отправился туда исключительно потому, что это занятие представлялось более интересным, чем работа, которой я занимался во время каникул, – чистка отстойников под руководством компании, чей лозунг гласил «Лучше слить, чем забить».

Я переехал на юг штата, в главное государственное образовательное учреждение. Там наугад выбрал обзорный курс по биологии из каталога с обязательными учебными дисциплинами. Его преподавала бактериолог Катя Макмиллан. Высокая, как аист, с фигурой цилиндрической формы – этакая Толстуха Этель Маггс на пенсии. По понедельникам, средам и пятницам она стояла на дне амфитеатра, где сидели четыреста перевозбужденных первокурсников. Неделю за неделей она усердно демонстрировала, что жизнь на Земле умеет такое, о чем никто из нас даже не догадывался.

Одни существа в середине жизненного цикла переделыва-

ли свои тела во что-то неузнаваемое. Другие видели инфракрасное излучение, ощущали магнитные поля. Еще были такие, кто менял пол, опросив соплеменников поблизости, и одиночные клетки, действующие сообща на основе кворума, который они каким-то образом ощущали. С каждой лекцией я все отчетливее понимал, что по сравнению с рассказами доктора Макмиллан «Эстаундинг сториз» – просто детский сад.

На двенадцатой неделе, почти в конце семестра, она добралась до своих любимейших созданий. Мы узнали, что научная революция в самом разгаре, а доктор Макмиллан сражается на баррикадах. Исследователи нашли жизнь там, где ее не должно было быть. Живые существа как-то умудрялись не погибать при температуре выше точки кипения и ниже замерзания. Они обосновались в таких местах, где – как когда-то твердили учителя самой доктора Макмиллан – среда была слишком соленой, слишком кислой или слишком радиоактивной для выживания. Жизнь добралась до границы безвоздушного пространства. Жизнь проникла глубоко в твердые камни.

Я сидел в последнем ряду и думал: вот же она, моя стая. Наконец-то.

Доктор Макмиллан взяла меня в летнюю полевую экспедицию, целью которой было изучение квазиинопланетных форм жизни, обитающих в карстовой яме на дне озера Гурон, которую кто-то случайно обнаружил. Эти существа бы-

ли из числа самых причудливых и творчески настроенных созданий на нашей планете: когда у них заканчивалась вкусенькая сера, они совершенно в духе Джекилла и Хайда переключались с аноксигенного фотосинтеза на кислородный. Страдающие биполяркой экстремофилы доктора Макмиллан посредством своей безумной биохимии подсказали, как на Земле возникла жизнь и как враждебная планета стала для нее более благоприятным местом. Для того, кто не боялся непогоды, это была попросту работа мечты.

Велеречивое рекомендательное письмо доктора Макмиллан – «В значительной степени точное, – сказала она, – хотя по большей части прогностическое!» – обеспечило мне место ассистента-аспиранта в Вашингтонском университете. Лучшее всего я умел наблюдать, окаменев, за разными тварями – чем страннее, тем увлекательнее, – а потому навряд ли смог бы найти более благоприятное место, чем Сиэтл. Университетская программа по микробиологии была сильная, а спецы по экстремофилам приняли меня почти как родного.

Я присоединился к многопрофильной команде, которая разрабатывала модель того, как насыщенная кислородом талая вода в зоне между ледниками и морями стала обиталищем для живых организмов в ту эпоху, когда Земля напоминала гигантский шар изо льда и снега. Согласно нашим расчетам, именно это кучее обжитое пространство спустя мучительно долгое время помогло планете из снежного кома превратиться в буйный сад.

Я постигал науку, а где-то далеко происходили безумно интересные вещи. Разлетевшиеся по всей Солнечной системе аппараты присылали данные. Оказалось, планеты намного разнообразнее, чем принято было считать. У спутников Юпитера и Сатурна под странно гладкой корой плескались океаны. Бастион земного эгоцентризма пошатнулся. Мы, как выяснилось, строили гипотезы на основе единственного образца данных. Возможно, жизнь не нуждается в поверхностных водах. Возможно, для нее и поверхность не обязательна.

Я стал свидетелем одной из величайших революций в области человеческого мышления. Еще несколько лет назад большинство астрономов были убеждены, что не доживут до открытия хотя бы одной планеты за пределами Солнечной системы. Когда я был на полпути к окончанию аспирантуры, восемь-девять известных планет превратились в десятки, а затем в сотни. Поначалу обнаруживали в основном газовые гиганты. Потом запустили «Кеплер», и миры хлынули потоком – включая и те, что были ненамного крупнее Земли.

С каждым семестром мы узнавали что-то новое о Вселенной. Наблюдая за мельчайшими изменениями света, подмечая уменьшение яркости в несколько делений на шкале из миллиона, люди вычисляли невидимые тела, которые затемняли далекие звезды, проходя между ними и Землей. Незначительные сдвиги в траектории массивных солнц – ускорение или замедление менее чем на метр в секунду – выдавали размер и массу незримых планет, вовлеченных в гравита-

ционное взаимодействие. Точность измерений была поразительная. Все равно что с помощью линейки определить величину в сто раз меньшую, чем расширение этой же самой линейки от тепла человеческой руки.

Но мы все равно это сделали. Мы, земляне.

Новые места обитания обнаруживались повсюду, и не было им конца. Горячие Юпитеры и мини-Нептуну, алмазные планеты и никелевые, газовые карлики и ледяные гиганты. Суперземли в зонах обитаемости звезд спектральных классов К и М выглядели столь же подходящими для зарождения жизни, как и наш собственный дом. «Зона обитаемости» стала необычайно широкой концепцией. Формы жизни, которые мы обнаружили в самых негостеприимных регионах Земли, могли бы без труда поселиться на многих планетах, найденных в каждом уголке космоса.

Как-то утром я проснулся и посмотрел сверху вниз на свое тело, лежащее в постели. Я увидел себя со стороны, изучил, как моя первая наставница, доктор Макмиллан, могла бы изучить новый вид архей. Взвесил себя – свое происхождение, склад ума, совокупность недостатков и талантов – и понял, что хотел бы сделать до того, как мое участие в гигантском эксперименте под названием «жизнь» подойдет к концу. Я хотел бы посетить Энцелад, Европу и Проксиму Центавра b, пусть даже с помощью спектроскопии. Научиться читать их историю и биографию, зашифрованные в атмосфере. И прочесать эти далекие воздушные океаны в поисках

малейших признаков хоть чего-то живого.

В один прекрасный день, когда моя докторская была почти дописана, я вернулся в университет после недели полевых исследований и оказался в компьютерном классе рядом с расшвырянутой, но дружелюбной девушкой, которая никак не могла справиться с одним из немногих капризов университетской файловой системы. Я знал, как решить проблему. Девушка наконец-то повернулась ко мне, чтобы попросить о помощи. С ее губ слетели первые искренние слова – «*Вы не знаете, к-к-к-к...*» – и обернулись таким тяжким приступом заикания, что она сама растерялась.

Девушка произнесла слово, а затем и фразу. Я совершил то маленькое цифровое волшебство, какое было мне по силам. Она поблагодарила меня за то, что я спас ее от провала на экзамене по законодательству о защите животных. К третьей фразе заикание прекратилось.

– Если вам когда-нибудь понадобится совет на тему эстетического обращения с животными, дайте знать.

Все в ней казалось знакомым, как будто я оказался на изведанной территории. Она часто поджимала губы, гримаса получалась слегка удивленная и чуть-чуть задумчивая. Ее каштановую шевелюру разделял пробор посередине. Макушка доходила мне до плеча. Она постоянно вела себя как спортсмен на низком старте; не жизнь, а сплошной вызов. Она была сама себе предназначение, вещь в себе. «Малень-

кая Вселенная». Казалось, мой любимый поэт Неруда влюбился в нее одновременно со мной.

На ней были походные ботинки «Миль-Спек» и зеленый жилет: вид такой, словно она только что приехала из Шира. Я попытался познакомиться, как умел.

– Знаете, а я провел неделю в горах Сан-Хуан.

Она заинтересовалась. Я набрался наглости и спросил, не хочет ли она поглядеть на наш научный лагерь. Ее губы изогнулись особым образом – получилась то ли кривая улыбка, то ли ухмылка. В уголках карих глаз проступили морщинки от смеха.

– *Я могу несколько дней обходиться без души.*

Заикания и след простыл.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы поверить в свою удачу. Я встретил себе подобного: человека, который любил ходить в походы больше, чем большинство людей любят спать. Меня поразило, что женщину вроде нее возбуждает латинская терминология. Самая причудливая радость заключалась в том, что она смеялась над моими шутками, даже когда я сам не понимал, что шучу.

Мы не слились в единое целое, однако были друг другу полезны. Я пробуждал в ней стойкость и утолял любопытство. Она обучала меня оптимизму и разжигала аппетиты, пусть и вегетарианские. Вот в чем суть: бросьте кости – и повстречайте того, с кем случится мощная химия. А если бы некто пришел на десять минут позже или сел на три компью-

тера дальше, сигнал из глубокого космоса так и остался бы незамеченным.

Алисса защитила диссертацию по праву, когда я еще во-евал со своей. И мы по-прежнему были вместе. Нашли приличную работу в одном и том же невероятном городе. Поселок чокнутых, Сырный край: из Вашингтонского университета в Висконсинский. Место, о существовании которого мы раньше не догадывались, вскоре стало для нас домом. Мы полюбили Мадисон, и спорили лишь о том, какая его часть лучше – восточная или западная. Нашли место недалеко от озера Монона, на расстоянии недлинной пешей прогулки от кампуса. Дом был хороший – типовой среднезападный, немного безвкусный, староватый, окруженный соснами. Его много раз ремонтировали, но световые люки все равно протекали. Для двоих был в самый раз. Троиим стало тесновато. А когда позже нас вновь осталось двое, дом наполнился гулкой пустотой, словно пещера.

Али трудилась, как динамо-машина: раз в две недели составляла тщательно продуманные стратегические планы для одной из ведущих неправительственных организаций по защите прав животных в стране, а в свободные минуты занималась дипломатией посредством электронной переписки и сочиняла пресс-релизы. За четыре года она поднялась по карьерной лестнице, из прославленного специалиста по привлечению спонсоров превратившись в координатора всего

Среднего Запада. Законодатели штатов от Бисмарка до Колумбуса одновременно боялись и обожали ее. Алисса неторопливо шла своим путем, сыпля красочными ругательствами и сардонически усмехаясь. Мерзости животноводческих ферм пробуждали в ней стальную волю. Ей случалось полностью терять веру в себя, но лишь изредка, а в промежутках между кризисами она сохраняла решимость от рассвета до заката. Вечера мы тратили на красное вино и стихи для Честера.

В Висконсине я впервые почувствовал себя по-настоящему дома. Я нашел соратника. Страйкер занимался теми разделами молекулярной астрофизики, которые находились за пределами моих познаний. Мой вклад подразумевал науку о живой природе. Вместе мы изучали спектры далеких атмосфер, пытаюсь определить, каким образом линии поглощения могут помочь найти нечто биологическое. Мы усовершенствовали свои модели биосигнатур и опробовали их на практике: взяли данные со спутников и отрегулировали масштаб таким образом, словно наблюдали за Землей с помощью четырехметрового телескопа из далекого космоса. Научились разбираться в мелькании данных. Поток информации позволил нам определить состав планеты, вычислить ее климатические циклы, взглянуть на яркие континенты и вихри океанских течений. Суровая Сахара и плодородная Амазонская низменность, зеркальные ледяные шапки и переменчивые леса умеренных широт – все это превращалось в

полоски шириной в считанные пиксели. Я был очень взволнован: мне удалось взглянуть на Землю через замочную скважину и увидеть ее такой, какой она предстала бы перед инопланетными астробиологами с расстояния в триллион миль.

У нас были успехи, и немалые. Затем в Вашингтоне испортилась погода, и финансирование сократили. Огромные телескопы, в которых мы нуждались, – телескопы, которые предоставили бы реальные данные для проверки наших моделей, – все никак не получалось сдать в эксплуатацию. Но мне все еще платили за подготовку к тому, как узнать, одни мы во Вселенной или окружены чокнутыми соседями.

У нас с Али было больше проектов, чем часов в сутках. Потом жизнь изменилась, и все из-за полупроцентной вероятности того, что излюбленное противозачаточное средство может не сработать. Неожиданный поворот ошеломил нас обоих. Как будто оборвалась долгая полоса везения и момент оказался худшим из возможных – по доброй воле мы бы ни за что его не выбрали. Мы и так тратили все силы каждый на свою карьеру. У нас не было ни знаний, ни средств, чтобы вырастить ребенка.

Прошло десять лет, и каждое утро, проснувшись, я думаю об этом. Я знаю правду. Если бы мы с Али могли что-то решать, то главное счастье моей жизни – то, что поддержало меня, когда удача повернулась ко мне задом, – никогда бы не появилось на свет даже в самой дерзкой из моих моделей.

Первая ночь дома далась Робину с трудом. Отдых в горах погубил все привычные ритуалы, а ведь термодинамика давным-давно доказала, что собрать вещь заново куда сложнее, чем разобрать. Он метался по дому, напряженный и сбитый с толку. После ужина я почувствовал, что он регрессирует: восемь лет, семь, шесть... Я приготовился: сейчас будет ноль, и бабахнет.

– *Можно проверить ферму?*

– Разрешаю поиграть один час.

– *Да! А «Три в ряд»?*

– Никаких «Три в ряд». Я еще не расплатился за то, что ты отчебучил в прошлый раз.

– *Это вышло случайно, папа. Я не знал, что твоя карточка прикреплена к профилю. Я думал, что получаю ка-мешки бесплатно.*

Робби действительно расстроился. Объяснение не соответствовало истине, но сожаление о случившейся пару месяцев назад катастрофе было неподдельным и как будто придало веса словам. Он играл сорок минут, объявляя вслух о своих трофеях по мере получения. Я проверял домашние работы студентов и трудился над правками для Страйкера.

Сын какое-то время кликал по картинкам, собирая урожай с упорством маньяка, а потом повернулся ко мне.

– *Папа?*

Он ссутулился, был готов о чем-то умолять. Ну вот, приехали... То самое, что не давало ему покоя после возвраще-

ния домой.

– А давай посмотрим на маму?..

В последние недели он просил меня об этом все чаще, что казалось все более нездоровым желанием. Мы смотрели некоторые видео с ней слишком много раз, и наблюдение за Али в рабочей обстановке не всегда действовало на Робина благотворно. И все-таки запрет повлек бы за собой последствия еще хуже. Он должен был изучить свою мать и хотел, чтобы я в этом поучаствовал.

Я разрешил Робину поискать видео в Сети. Два нажатия клавиши – и имя «Алисса» появилось на вершине списка предыдущих поисковых запросов. У меня сохранилось меньше пятнадцати минут видеозаписей с участием моей собственной матери. В наши дни движущиеся, говорящие мертвецы повсюду, доступны в любое время – мы носим их в кармане. Редко выдается неделя, когда мы – будущие мертвецы – не помещаем в переполненные архивы хоть несколько минут нашего драгоценного времени, отсекая его от своей души. Такое не предсказывали даже безумнейшие фантастические рассказы времен моей юности. Попробуйте вообразить себе планету, где прошлое никогда не исчезает, но повторяется снова и снова, вечно. На такой планете и хотел жить мой девятилетний ребенок.

– Ну-ка, проверим. Нужно что-то толковое. – Я взял мышку и прокрутил страницу в поисках ролика, который не причинил бы нам боли.

Али шепнула мне на ухо: *«Господи, что ты затеял? Не позволяй ему это смотреть!»*

Попытка взять верх не удалась. Робин развернулся на вертящемся кресле и выхватил мышку.

– Эти не надо, папа! Мадисон. Вот.

Чтобы магия сработала, призрак должен был обитать поблизости. Робин хотел увидеть, как его мать отстаивает свои принципы в Капитолии штата, в часе ходьбы от нашего бунгало с двумя спальнями. Он помнил те дни: послеобеденные часы, когда Алисса репетировала в столовой, вновь и вновь редактировала речь, успокаивала нервы; потом надевала кулон с совой, серьги с волками и один из трех «боевых нарядов» – черный костюм, коричневый или темно-синий блейзер с обтягивающей юбкой до колен и блузкой кремового цвета; одевшись, запрыгивала на велосипед с туфлями в сумке и отправлялась на битву в ассамблею штата.

– Этот, папа.

Он указал на ролик, где Алисса выступала в поддержку законопроекта, запрещающего соревнования по убийству животных.

– Это на потом, Робби. Может, когда тебе исполнится десять. Как насчет одного из этих?

Али выступает против чего-то под названием «Метание опоссумов». Али защищает свиней от жестокого обращения во время ежегодных Дней первопроходцев. Тоже тяжелая тема, но попроще по сравнению с той, которую он хотел.

– *Папа!* – Его настойчивость удивила нас обоих. Я сидел неподвижно, уверенный, что он сорвется и превратит вечер в сплошную истерику. – *Я больше не маленький ребенок. Мы посмотрели тот, что про ферму. И я выдержал.*

Ничего подобного. Показывать ему ролик про ферму было грандиозной ошибкой. После того, как Робин услышал рассказ Али о цыплятах, которых выращивали на наклонной проволочной сетке в такой тесноте, что они заклевывали друг друга до смерти, он несколько недель просыпался среди ночи с криком.

Наши санки на двоих выехали на край обрыва. Я тяжело вздохнул.

– Давай выберем другой, дружище. Они же все про маму, верно?

– *Папа...*

Теперь его голос звучал печально, как у старика. Он указал на дату съемки: за два месяца до смерти Алиссы. Я наконец-то узрел уравнение Робина целиком. Призраку надлежало обитать как можно ближе не только в пространстве, но и во времени.

Я кликнул по ссылке, и мы увидели Али во всем блеске. Это всякий раз меня изумляло. У камеры моего телефона есть особый режим, при котором объект в перекрестии прицела остается четким и насыщенным, а все прочее окрашивается в оттенки серого. Женщина, которая позволила мне взять себя в жены, действовала схожим образом. Она напол-

няла электричеством любую комнату, даже битком набитую политиками.

Во время финальных выступлений вся нервозность, которая мучила Али на репетициях, исчезала без следа. У микрофона жена держалась с безупречной невозмутимостью, демонстрируя ироничное недоумение по поводу выходок человечества. Если бы существовало радио, транслирующее широкой публике идеи Платона, она могла бы там работать диктором. Излагая статистику или повествуя о конкретных случаях, она не прибегала к оскорблениям. Сочувствовала всем сторонам, шла на компромисс, но никогда не поступалась истиной. Все, что она говорила, казалось чертовски разумным. Ни один из девяти членов ассамблеи не поверил бы, что эта женщина в детстве страдала от сильнейшего заикания и грызла губы до крови.

Али в последний раз выступала на камеру, а ее сын наблюдал с нашей стороны экрана, приоткрыв рот. Детали так заворожили Робина, что он не задал ни одного вопроса. Али рассказала о том, как собственными глазами видела знаменитое охотничье состязание на севере штата, недалеко от озера Верхнее: одно из двадцати, проведенных в том году. Робин выпрямился и разгладил воротник; однажды я сказал, что этот жест придает ему очень взрослый вид. Для ребенка, у которого были проблемы с самоконтролем, он отлично справлялся.

Алисса описала, как выглядела судебная платформа на

четвертый и последний день соревнования: там стояли весы промышленного типа, дожидаясь грузов, которые привезут участники. Подъезжали пикапы, заполненные тушами, их перетаскивали на чаши. Победителем становился тот, кто за четыре дня набрал больше фунтов добычи. В числе призов было оружие, оптические прицелы и приманки – то есть в следующем году условия конкурса обещали стать еще более несправедливыми.

Она перечислила факты. Количество участников. Вес заявки, которая принесла охотнику победу. Общее число животных, ежегодно убиваемых на соревнованиях по всему штату. Воздействие потерь на разрушенные экосистемы. После этого взвешенного, красноречивого выступления моя жена два часа рыдала в постели, и я никак не мог ее утешить.

Мне хотелось отдубасить себя за то, что я вообразил, будто Робби с таким справится. Но мой мальчик хотел увидеть свою мать, и, по правде говоря, держался достойно. Девять лет – возраст великого перелома. Может, человечество как таковое было девятилетним ребенком: еще не взрослым, уже не малышом; внешне спокойным, но вечно пребывающим на грани нервного срыва.

Речь Алиссы подошла к концу. Она мастерски подвела итог. Всегда приберегала самые важные аргументы напоследок. Она объяснила, каким образом этот законопроект восстановит славные традиции и почет охоты. Сказала, что с точки зрения веса девяносто восемь процентов оставшихся

на Земле животных – либо Homo sapiens, либо пища, выращиваемая в промышленных масштабах. Только два процента были дикими. Неужели так трудно дать горстке выживших диких тварей короткую передышку?

От ее заключительных слов я вновь похолодел. Мне вспомнилось, как она сочиняла их, как в течение нескольких недель работала над речью. *«Обитающие в этом штате существа – не наша собственность. Их нам доверили. Те люди, которые поселились здесь первыми, знали: все животные – наши родственники. Предки и потомки следят за тем, что мы делаем. Давайте поступим так, чтобы они гордились нами».*

Ролик закончился. Я отменил автовоспроизведение следующего. К счастью, Робин не возражал. Он прижал к губам три пальца. Этот жест сделал его похожим на Аттикуса Финча, только ростом в четыре фута.

– Папа, законопроект приняли?

– Пока нет, дружище. Но что-то подобное примут, рано или поздно. Взгляни на количество просмотров. Люди по-прежнему слушают ее.

Я взъерошил его волосы. У Робби были буйные кудри. Он только мне позволял их стричь. Это не очень-то способствовало его социализации.

– Почему бы тебе не приготовить ко сну? Мы засидимся допоздна.

Эта кодовая фраза означала, что мы будем вместе читать

двадцать минут после того, как он ляжет в постель в восемь тридцать.

– *Можно мне сначала выпить сока?*

– Сдается мне, сок – не лучший вариант перед сном.

Лучше обойтись без катастрофы в два часа ночи. Клеенчатая простыня на кровати унижала Робби, и я ее снял.

– *Откуда ты знаешь? Может, так оно и есть. Может, сок – это как раз то, что нужно перед сном. Надо провести эксперимент, применив двойной слепой метод.*

М-да, не стоило ему об этом рассказывать.

– Нетушки. Мы просто подделаем данные. Ну, вперед!

Когда я вошел в комнату Робина, он был задумчив. Лежал под одеялом в пижаме – клетчатых штанишках и майке с эмблемой каякинга, – которую запретил отдавать на благотворительность. Рукава были на два дюйма короче положенного, а пояс сжимал живот так сильно, что над ним виднелся валик жира. Когда Али купила пижаму, та была великовата. Судя по тому, как Робби ее берег, он собирался носить ее и в свой медовый месяц.

Я собирался читать «Химическую эволюцию атмосферы и океанов», а он – «Маньяка Маги». Я сел рядом с ним на кровати. Однако Робин чересчур погрузился в размышления, чтобы читать. Он положил руку мне на плечо – Али всегда так делала.

– *Почему она сказала, что предки следят за нами?*

– И потомки. Это просто такое выражение. Например, можно сказать, что будущее вынесет нам вердикт.

– Правда?

– Что правда?

– *Будущее действительно вынесет нам вердикт?*

Мне пришлось поразмыслить над ответом.

– Ну, полагаю, в этом смысл будущего.

– *А они и правда на нас смотрят?*

– Наши предки? Робби, это фигура речи.

– *Когда она это сказала, я представил их всех вместе на одной из твоих экзопланет. Траппист... номер забыл. И у них был огромный телескоп. И они наблюдали за нами и смотрели, все ли у нас в порядке.*

– Отличная метафора.

– *Но все не так.*

– Ну... да, ты прав. Все не так.

Робин кивнул, открыл «Маньяка» и притворился, что читает. Я сделал то же самое с «Химической эволюцией». Но я знал, он выжидает подходящего момента, чтобы задать следующий вопрос. Так получилось, что терпения ему хватило на две минуты.

– *А... как насчет Бога, папа?*

Я надул губы, как рыба в аквариуме Гатлинбурга.

– Знаешь, когда люди говорят «Бог»... Ну, я не уверен, что понимаю, как они... Я имею в виду, существование Бога нельзя доказать или опровергнуть. Но судя по тому, что

известно мне, эволюция – самое главное чудо из всех, какие случились в этом мире.

Я повернулся к сыну лицом. Он пожал плечами.

– Понимаешь, в чем дело... Мы же сидим на камне, который летает в космосе, верно? Существуют миллиарды планет, таких же славных, как Земля, населенных существами, которых мы даже не можем вообразить. Так с какой стати Бог должен быть похожим на нас?

Я снова вытаращил глаза.

– Почему же ты меня о нем спросил?

– Хотел убедиться, что ты не заблуждаешься.

Ох, господи, я расхохотался. Ну что мы за пара. Уникальная. Обыкновенная. Я и мой сын. Я щекотал Робина, пока тот не взмолился о пощаде, что случилось примерно через три секунды.

Потом мы посерьезнели и стали читать. Шуршали страницы; мы без труда путешествовали, где хотели. Затем Робин спросил, не отрывая глаз от книги:

– Так что, по-твоему, случилось с мамой?

На одно ужасное мгновение я подумал, что он имеет в виду ночь аварии. Перебрал множество вариантов вранья, прежде чем сообразил, что речь о чем-то более простом.

– Я не знаю, Робби. Она вернулась во Вселенную. Стала чем-то другим. Все хорошее, что было в ней, перешло к нам. Теперь мы сохраняем ее в живых, когда вспоминаем о ней.

Он чуть склонил голову набок. Лицо моего сына сдела-

лось отрешенным, как будто он удалился от меня.

– *Мне кажется, она теперь саламандра.*

Я повернулся к нему.

– Постой... что? Почему ты так решил?

Я знал почему: в Дымчатых горах обитали тридцать видов саламандр.

– *Ну, помнишь, ты рассказывал, как Эйнштейн доказал, что мы не можем ничего создать или уничтожить?*

– Это верно. Но он говорил о материи и энергии. Они постоянно переходят из одного состояния в другое.

– *Так и я об этом!* – Робин выкрикнул эти слова с таким пылом, что мне пришлось его утихомирить. – *Мама была энергией, верно?*

Мое лицо отказалось мне повиноваться.

– Да. Если мама и была чем-то, то энергией.

– *А теперь она перешла в другое состояние.*

Вновь обретя самообладание, я спросил:

– Почему саламандра?

– *Легко. Потому что она быстрая и любит воду. И ты сам говорил, что саламандры – сами по себе, они отдельный вид.*

Амфибия. Мелкая, но вредная. Дышащая кожей.

– *Есть саламандры, которые живут пятьдесят лет. Ты знал об этом?* – В голосе Робби зазвучало отчаяние. Я попытался обнять сына, но он оттолкнул меня. – *Наверное, это просто фигура речи. Наверное, она стала ничем и никем.*

Я замер, услышав эти слова. Посреди фразы внутри Робби на переключился какой-то жуткий тумблер – и я понятия не имел, какой.

– *Два процента, папа?* – Он зарычал, как загнанный в угол барсук. – *Только два процента животных – дикие? Остальное – заводские коровы, заводские куры и мы?*

– Пожалуйста, не кричи на меня, Робби.

– *Это правда? Да?!*

Я взял наши брошенные книги и положил их на тумбочку.

– Если твоя мать сказала об этом законодательному собранию штата – да, правда.

Лицо Робби сморщилось, как будто его ударили. Хлынули слезы, рот открылся в беззвучном крике, который миг спустя перешел в рыдания. Я протянул к сыну руки, но он покачал головой. Что-то внутри него возненавидело меня за то, что я позволил этому быть правдой. Он отполз в угол кровати, прижался к спинке и склонил голову набок, отказываясь верить в услышанное.

А потом так же внезапно сдался. Снова лег, спиной ко мне, одним ухом прижавшись к матрасу. Робби лежал и слушал гул поражения. На ощупь принялся искать меня, протянув руку назад. Когда нашел, то пробормотал в одеяло:

– *Новую планету, папа. Пожалуйста.*

Поверхность планеты Пелагос превосходила земную во много раз и была полностью покрыта водой – единым оке-

аном, по сравнению с которым Тихий показался бы одним из Великих озер. Лишь цепочка крошечных вулканических островов, отдаленных друг от друга, пронизывала эту необъятность. Они были похожи на знаки препинания, разбросанные по сотням пустых страниц огромной книги.

Бескрайний океан в одних местах был мелким, в других имел глубину в несколько километров. Жизнь распространилась в нем от влажных до заледеневших широт. Сонмы существ превратили дно в подводные леса. Гигантские живые аэростаты мигрировали от полюса к полюсу, не останавливаясь; когда они засыпали, то половина мозга всегда бодрствовала. Разумные водоросли длиной в сотни метров общались посредством цветковых волн, которые путешествовали по всей длине стебля. Кольчатые черви развивали сельское хозяйство, ракообразные строили города с высотками. Клады рыб придумали общинные ритуалы, неотличимые от религии. Но никто из обитателей Пелагоса не мог использовать огонь, плавить руду или создавать что-либо, превосходящее простейшие инструменты. Поэтому жизнь на планете неустанно эволюционировала, и новые, разнообразные формы были еще причудливее существующих.

Эпохи сменяли друг друга, и жизнь процветала подле островов, как будто каждый из них был отдельной планетой. Все они оказались слишком маленькими, чтобы появились крупные хищники. Каждый клочок земли представлял собой герметичный террариум с таким количеством видов, что хвати-

ло бы для маленькой Земли.

Десятки разумных видов, рассеянных по всему Пелагосу. Миллионы языков и сотни пиджинов. Города размером в лучшем случае с деревушку. Каждые несколько миль мы наткнулись на говорящее существо невиданного цвета и формы. Кажется, на этой планете самым ценным качеством, касающимся адаптации, было смирение.

Мы вдвоем проплыли вдоль мелководных рифов, направляясь в глубокие подводные леса. Прошлись по берегам островов, населенных сложными сообществами и связанных огромными торговыми сетями. Чтобы завершить какую-нибудь сделку, караванам приходилось странствовать на протяжении многих лет, а то и поколений.

– Никаких телескопов, папа. Никаких ракетных кораблей. Никаких компьютеров. Никаких радиоприемников.

– Зато они изумительные.

Если вдуматься, весьма милое местечко.

– А сколько есть планет, похожих на эту?

– Может, ни одной. Может, они повсюду.

– Значит, мы никогда ни о ком из них не услышим.

Я продолжал сочинять детали для нашего общего творения, а потом понял, что в этом нет необходимости. Я наклонился. Дыхание Робина стало легким, медленным. Поток его сознания расширился и превратился в дельту шириной в несколько миль. Я соскользнул с кровати и беззвучно до-

брался до двери. Однако щелчок выключателя заставил его резко сесть во внезапной темноте. Он вскрикнул. Я опять включил свет.

– Мы забыли мамину молитву. И они все умирают.

Мы произнесли ее вместе:

– Пусть все разумные существа будут избавлены от ненужных страданий.

Увы, но мальчик, которому потребовалось еще два часа, чтобы ощутить себя в достаточной безопасности и снова уснуть, больше не был уверен, что от этой молитвы есть толк.

У астрономии и детства много общего. И то и другое – путешествия на огромные расстояния. Они связаны с поиском фактов, недоступных пониманию. Они неистово сочиняют теории и позволяют возможностям неограниченно множиться. Они каждые несколько недель испытывают унижения. Они действуют вслепую. Они озадачены временем. Они всегда в начале пути.

Десять лет благодаря своей работе я чувствовал себя ребенком. Сидел за компьютером в своем кабинете, просматривал данные с телескопов и играл с формулами, которые могли бы эти данные описать. Бродил по необъятным чертогам в поисках разумных существ – вдруг кто-нибудь выйдет навстречу, чтобы поиграть? Лежал в постели с канаречно-желтым блокнотом и черным рапидографом, воссоздавая путешествие к Лебедю А, через Большое Магелланово

Облако, вокруг Головастика – когда-то я уже побывал в тех местах, читая дешевые фантастические романы. На этот раз никто из аборигенов не говорил по-английски, не практиковал телепатию, не парил в ледяном вакууме, слившись с каким-нибудь симбионтом, и не соединялся в коллективный разум для осуществления неких масштабных замыслов. Они усваивали питательные вещества, дышали – и все. Но по младенческим меркам моей науки это было настоящее чудо.

Я создавал миры тысячами. Моделировал их поверхности, ядра и атмосферы, кишачие жизнью. Изучил соотношение контрольных газов, которые могут накапливаться в зависимости от того, как эволюционируют обитатели планеты. Внес изменения в каждую модель, чтобы она соответствовала правдоподобным метаболическим сценариям, а затем часами следил за изменением параметров, которые высчитывал суперкомпьютер. Я слушал мелодии Геи, которые становились все более замысловатыми. Результатом стал каталог экосистем и соответствующих им биосигнатур. Когда космический телескоп, которого ждали все мои модели, наконец-то запустят, у нас уже будет досье со спектральными отпечатками пальцев. С их помощью мы разыщем всех мыслимых преступников, которые осмелились жить и эволюционировать.

Некоторые коллеги думали, что я зря трачу время. Какой смысл моделировать так много миров, многие из которых, возможно, даже не существуют? Какой смысл изучать цели,

если современные приборы не сумеют их обнаружить? На это я всегда отвечал: а какой, по-вашему, толк от детства? Я не сомневался, что «Искатель планет земного типа», который мы с сотнями коллег лоббировали, появится до конца десятилетия – и наполнит мои модели реальными данными. И тогда семена принесут невообразимый урожай.

Бытие допускало, как правило, три варианта: никакой жизни, одна разновидность или бесконечное многообразие. С одной разновидностью мы имели дело постоянно, на каждом этапе истории. Мы знали про одну форму жизни, которая однажды возникла в одном мире, в одной жидкой среде, используя одну форму накопления энергии и один генетический код. Но мои миры не были обязаны походить на Землю. Их версии жизни не требовали поверхностных вод, зон обитаемости или даже углерода в качестве базового элемента. Я попытался освободиться от предвзятости, ничего не предполагать заранее, пробудить в себе детское восприятие – как будто наш единственный образец доказывал, что во Вселенной существует безграничное разнообразие живого.

Я создал горячие планеты с тяжелой и влажной атмосферой, где живое обитало в струях аэрозольных гейзеров. Я укрыл планеты-изгои толстыми слоями парниковых газов и наполнил существами, которые выжили, синтезировав аммиак из водорода и азота. Я погрузил обитающие в скалах эндолиты в глубокие расселины и наделил их метаболизмом, для которого основой был угарный газ. Я создал миры

из жидкого метана, где биопленки питались сероводородом, что лился дождем с ядовитых небес.

И все мои смоделированные атмосферы ждали того дня, когда долго вынашиваемые и долго откладываемые космические телескопы взлетят и заработают, распахнув ворота нашей уникальной Земли с ее уникальной жизнью. Этот день стал бы для человечества сродни тому мгновению, когда окулист вручил моей самоуверенной жене первую пару очков, которыми надо было обзавестись давным-давно, и она громко закричала от радости, потому что увидела своего ребенка с другого конца комнаты.

После короткой и тяжелой ночи мы проспали утренний подъем. Я отвез Робина в школу только в десять: мы оба заслужили выговор. На входе запищал металлоискатель, среагировав на металлическую фурнитуру моих брюк карго. Пришлось зайти в какой-то кабинет и расписаться в журнале опозданий. Когда Робин наконец-то вошел в свой класс, он чувствовал себя униженным, и его встретили ухмылками.

Из школы я помчался в университет, где припарковался в непопозволенном месте, чтобы сэкономить время, и в итоге получил серьезный штраф. У меня было сорок минут, чтобы подготовиться к лекции по абиогенезу – происхождению жизни – в рамках курса астробиологии для студентов. Я преподавал этот предмет два года, но чувствовал себя неучем из-за десятков недавних открытий.

В аудитории я обрел уверенность в собственных знаниях и испытал ту особую теплоту, которая рождается, когда делишься с кем-то идеями. Когда коллеги ворчат по поводу преподавания, я всегда теряюсь. В нем есть что-то общее с фотосинтезом: и то и другое представляет собой сотворение пищи из воздуха и света. Когда занимаешься преподаванием, немного иначе относишься к жизни. Лучшие занятия со студентами радовали меня не меньше, чем возможность понежиться на солнышке, послушать блюграсс или искупаться в горном ручье.

В течение восьмидесяти минут я пытался донести до пестрой компании двадцатиоднолетних парней и девушек с широким спектром интеллектуальных способностей, насколько абсурдно предполагать, что все возникает из ничего. Стечение обстоятельств, благоприятных для появления самовоспроизводящихся молекул, казалось астрономически маловероятным. Однако тот факт, что протоклетки возникли почти сразу после охлаждения расплавленной катархейской Земли, наводил на мысль, что жизнь была неизбежным побочным продуктом заурядной химии.

– Итак, вселенная либо беременна, либо бесплодна. Если бы я мог сказать вам, какое утверждение справедливо, ваше отношение к учебе изменилось бы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.